Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики

Центр развития

Комментарии о Государстве и Бизнесе

121

16 сентября – 17 октября 2016 г.

	Нужны ли России образование и здравоохранение?
Комментарии	
Циклические индикаторы	СОИ перешел через ноль
Циклические индикаторы	Признаки стабилизации – есть
Макроэкономика	Некрепкий отскок
Макроэкономика	Новая оценка конкурентоспособности России: что способствует экономическому росту?
Реальный сектор	Прибыль во втором квартале. Экономика никак не выйдет из пике́, а прибыль на пи́ке
Бюджет	Кризис и увеличение бюджетного неравенства регионов
Финансовая Статистика Банков (ФСБ)	
Экономика в «картинках»	

Все мнения, высказанные в данном Обозрении, отражают точку зрения авторов и могут не совпадать с официальной позицией НИУ ВШЭ

Нужны ли России образование и здравоохранение?

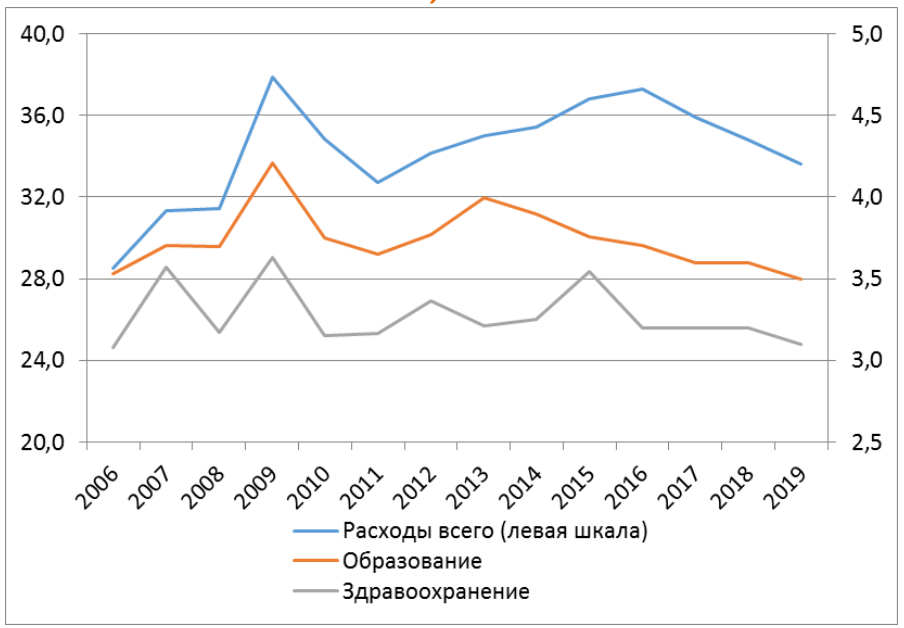
Согласно проекту Основных направлений бюджетной политики и федерального бюджета на 2017-2019 гг. Минфин рассчитывает снизить дефицит федерального бюджета с ожидаемых в 2016 г. 3,7% ВВП до 1,2% ВВП в 2019 г., а дефицит бюджетной системы с 4,0% ВВП до 1,5% ВВП соответственно.

Достижение этой цели потребует сокращения расходов бюджетной системы с 37,3% ВВП, ожидаемых в 2016 г., до 35,9% ВВП в 2017 г. и 33,6% ВВП в 2019 г. Главным образом за счет снижения расходов федерального бюджета с 19,8% ВВП в 2016 г. до 18,5% ВВП в 2017 г. и 16,2% ВВП в 2019 г.

Нужно сказать, что, несмотря на ожидаемое сокращение расходов бюджетной системы, в % к ВВП они в целом останутся выше, чем перед кризисом 2008-2009 гг., во время которого и после которого были приняты основные решения, приведшие к наращиванию длящихся бюджетных обязательств (такие как повышение пенсий и принятие государственной программы вооружений), а вот финансирование таких жизненно важных для населения сфер как образование и здравоохранение, в ходе консолидации в % к ВВП вернется примерно на уровень 2006 года.

По динамике расходов бюджетной системы с середины 2000-х годов видно, что рост расходов бюджета относительно ВВП с 2007 по 2016 год мало затронул сферу образования. Исключением были период кризиса 2009 г., когда в рамках антикризисной политики расходы на всю социальную сферу выросли в номинальном выражении даже на фоне снижения номинального ВВП.

Расходы бюджетной системы, % ВВП



Источник: Минфин, ОНБП, расчеты Центра развития НИУ ВШЭ

Вторым пиком роста расходов на образование стал период начала выполнения «майских указов» о повышении зарплаты учителей до 100% средней по региону (2012-2013 гг.). После этого, несмотря на то, что расходы бюджетной системы продолжали расти, совокупные расходы на образование стали сокращаться относительно ВВП, и, согласно прогнозу Минфина, представленному в Основных направлениях бюджетной политики, будут сокращаться вплоть до 2019 г. Надо сказать, что если в 2013 г. их уровень можно было считать относительно

неплохим (4,0% ВВП против 4,5% ВВП в среднем по ОЭСР), то к 2019 г. он снижается до 3,5% ВВП, ближе к показателям развивающихся стран Азии и Латинской Америки.

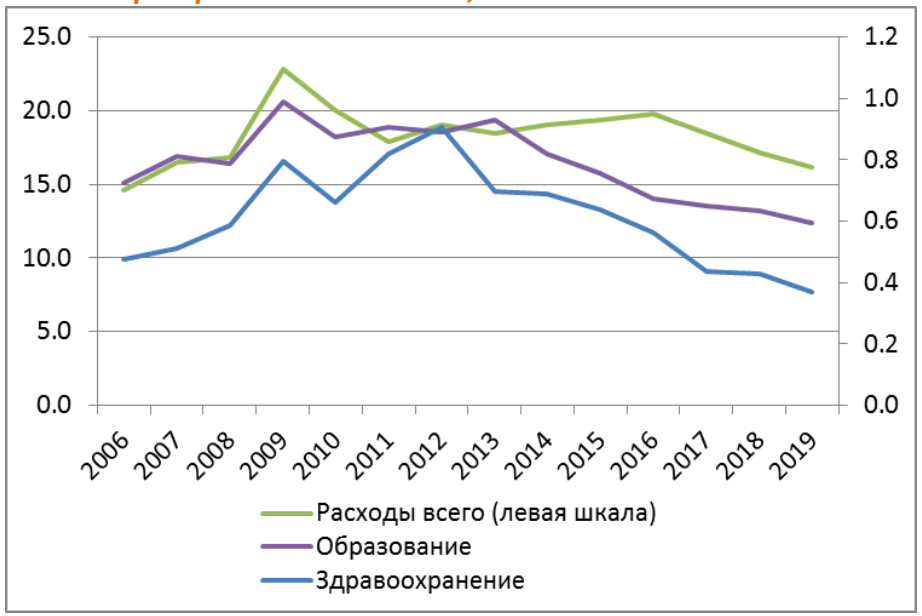
Что касается здравоохранения – эта сфера за прошедшее десятилетие практически ничего не получила от роста общей величины расходов. Государственное финансирование медицины в течение десятилетия колебалось вокруг уровня 3-3,5 % ВВП, вдвое ниже, чем в среднем по ОЭСР. Проектировки Минфина также не меняют этой картины – к 2019 г. расходы на здравоохранение будут составлять все те же 3,1% ВВП.

Надо сказать, что учитывая распределение полномочий за финансирование этих сфер между уровнями бюджетной системы, проектировки расходов по бюджетной системе (в отличие от федерального бюджета) носят вероятностный характер. А значит даже такая скромная динамика расходов на образование и здравоохранение, в общем, не гарантирована.

Большая часть расходов на образование (в 2015 г. 2,4 трлн руб. из 3,0 трлн руб.) финансируется из региональных бюджетов. Большая часть расходов на здравоохранение (в 2015 г. 1,6 трлн руб. из 2,8 трлн руб.) из фонда ОМС, куда попадают как взносы работодателей за работников (около 1 трлн руб.), так и взносы за неработающее население (0,6 трлн руб.), которые уплачивают региональные бюджеты. Кроме того, напрямую из региональных бюджетов в 2015 г. было профинансировано еще 0,7 трлн руб. расходов на здравоохранение. Таким образом, в целом по данным 2015 г. региональные власти, принимающие самостоятельные решения относительно бюджета, финансировали 81% затрат на образование и 47% суммарных затрат на здравоохранение.

При этом федеральный бюджет все последние годы (с 2013-2014 гг.) последовательно самоустранялся от финансирования указанных сфер. Расходы на образование из федерального бюджета (в основном на высшее) снизились с 1% ВВП в 2013 г. до 0,7% ВВП 2016 г., а к 2019 г. должны ужаться до 0,6% ВВП. Что касается здравоохранения, то после всех сокращений и погружения в ОМС высокотехнологичной медицинской помощи к 2019 г. центр будет финансировать всего 0,4% ВВП против 0,7% в 2013 г.

Расходы федерального бюджета, % ВВП



Источник: Минфин, ОНБП, расчеты Центра развития НИУ ВШЭ

Смогут ли регионы дальше выполнять все возложенные на них обязательства? Согласно прогнозу Минфина они столкнутся с сокращением доходов с 11,6% ВВП в 2016 г. до 11,0% ВВП в 2019 г. Причем сокращение это будет вызвано в основном продолжающим тенденцию последних лет снижением совокупного объема межбюджетных трансфертов (с 1,8 до 1,4% ВВП за тот же период). Центр самоустраняется и тут. Централизация и перераспределение дополнительно 1 п.п. налога на прибыль не повлияет на суммарный баланс региональных бюджетов, хотя несколько облегчит жизнь ряду бедных регионов за счет Москвы и Тюмени.

Надо понимать, что при существующем распределении ответственности роль региональных бюджетов в обеспечении необходимого объема ресурсов является ключевой не только в образовании, где она явно видна, но и в здравоохранении. Поступления взносов работодателей в ОМС зависят только от динамики облагаемой оплаты труда, рост которой замедлился и по всем прогнозам в ближайшие годы заметно ускоряться не будет. Недостаток доходов обычно покрывается регионами за счет взносов за неработающее население. Надо сказать, что в 2014-2015 гг., эти взносы уже росли по 24-29% в год, то есть вне связи с динамикой неработающего населения и быстрее, чем взносы работодателей.

Увеличивать расходы региональным властям сейчас приходится ради выполнения «майских указов» о повышении зарплаты бюджетников, которые по сути являются подпоркой, которая даже в условиях слабой динамики доходов вынуждает регионы сохранять приоритетное финансирование образования и здравоохранения. Делать это им объективно тяжело, учитывая, что региональные власти последовательно лишаются федеральной поддержки, а возможности системы ОМС ограничены. Учитывая, что в последние годы выполнение указов шло за счет вытеснения других видов расходов, если эту подпорку убрать, «сжатая пружина разожмется», регионы возобновят отложенные стройки, ремонт и благоустройство, а школы и больницы уйдут на второй план.

Ситуация может развиваться тремя путями. Можно проблему не решать, оставить ее на попечение регионов и в конце концов позволить финансированию этих важнейших для населения сфер съехать до уровней азиатских и латиноамериканских стран, не имеющих таких демографических проблем как Россия и могущих в силу этого рассчитывать на экстенсивное расширение населения и количества работников, не заботясь особенно ни об их здоровье, ни об уровне образования.

Второй путь – все-таки вернуться к приоритетам бюджетных расходов на федеральном уровне и поискать, что еще можно сократить кроме согласованных 6% в оборонных расходах, от каких субсидий предприятиям и взносов в уставный капитал госкорпораций можно отказаться, вместо этого взяв большую ответственность за образование и здравоохранение – то есть провести «бюджетный маневр».

Третий вариант – найти новые источники финансирования образования и медицины – либо в виде дополнительных налогов на уровне регионов и взносов в ОМС, либо в виде софинансирования этих услуг населением.

Выбор так или иначе придется делать.

Наталья Акиндинова

Комментарии

Циклические индикаторы

1. СОИ перешел через ноль

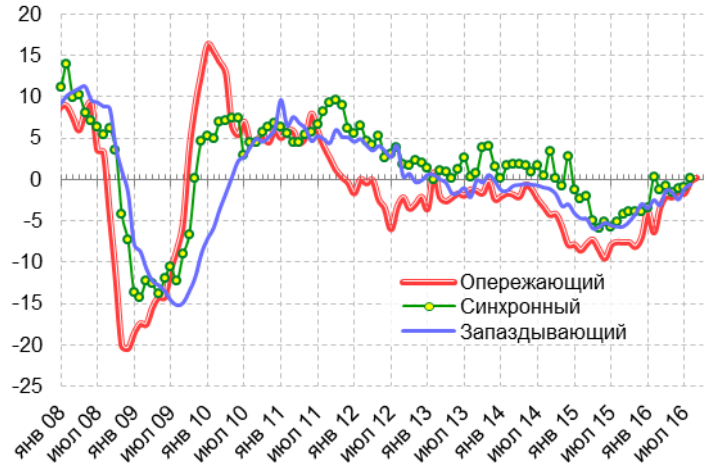
Сводный опережающий индекс (СОИ) более или менее стабильно рос с мая прошлого года, но при этом вплоть до последнего времени он оставался в отрицательной области. В сентябре 2016 г. он – впервые с февраля 2013 г. – оказался выше нуля (+0,2%).

Нефтяные цены по-прежнему остаются ниже, чем были год назад. Объем новых заказов на промышленную продукцию также остается низким. Однако финансовые индикаторы, входящие в состав компонент СОИ (прежде всего, объем денежного предложения и цены на акции российских компаний), имеют явную позитивную динамику, и этот фактор «перевешивает» и низкие цены на нефть, и слабость внутреннего спроса. Если настроения участников финансовых рынков верно улавливают подспудные процессы, происходящие в недрах российской экономики, можно ожидать скорого завершения спада и перехода к стагнации или даже к умеренному росту. Однако нельзя пока исключить и того, что участники рынков слишком оптимистичны, избыток ликвидности не сможет запустить рост производства в реальном секторе, а бюджетные проблемы будут способствовать новому витку сокращения производственного и потребительского спроса.

Позитивные тенденции пока слишком робкие. С другой стороны, наиболее острая фаза рецессии уже очевидно пройдена. Без новых шоков резкого ухудшения не будет.

Сергей Смирнов

Рис. 1.1. Динамика сводных циклических индексов (прирост за год), в %



Источник: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Циклические индикаторы

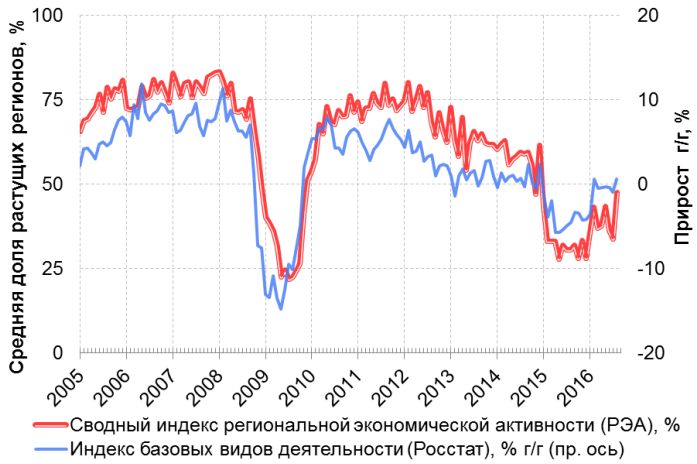
2. Признаки стабилизации – есть

В августе 2016 года экономическая активность снизилась по сравнению с июлем только в 9 регионах, в 29 осталась на прежнем уровне, а выросла – сразу в 44. Хотя эти улучшения произошли относительно откровенно депрессивного уровня и далеко не всегда указывают на рост экономической активности (иногда – только на замедление спада), повод для формирования более позитивных ожиданий, безусловно, появился.

Хотя в августе Сводный индекс региональной экономической активности (РЭА) по России резко вырос – с 33,7 до 47,6% (рис. 2.1), его текущий уровень (несколько меньше 50%) указывает на продолжение рецессии. При этом 50% отметку в августе преодолели два из пяти важнейших секторов, а также четыре из восьми федеральных округов (рис. 2.2).

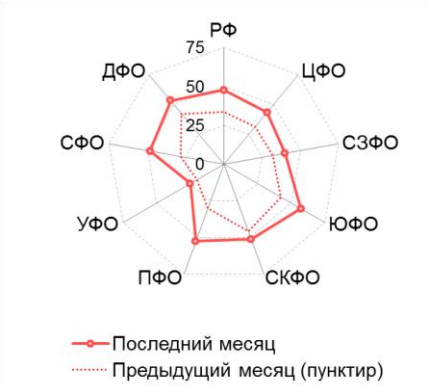
По-прежнему силен спад в розничной торговле, где рост наблюдается лишь в каждом седьмом регионе; кроме того, объемы строительства сокращаются почти в двух третях регионов. Следовательно, «пространственная» слабость внутреннего потребительского и инвестиционного спроса не преодолена, что при неблагоприятных обстоятельствах чревато новым витком спада. Тем не менее, в промышленности и оптовой торговле ясно обозначился рост (пока непонятно, надолго ли), а в секторе платных услуг ситуация заметно улучшилась в том смысле, что в августе спад затронул «только» 54% от числа регионов, против 68% месяцем ранее.

Рис. 2.1. Сводный индекс региональной экономической активности (РЭА) (янв. 2005 г. – авг. 2016 г.)



Источник: Росстат; Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 2.2. Сводный индекс региональной экономической активности (РЭА), по секторам экономики и федеральным округам (авг. 2016 г.)



Источник: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

В разрезе федеральных округов самая низкая экономическая активность наблюдалась в Уральском ФО, по которому сводный индекс РЭА составил только 25%. Здесь депрессия охватила все регионы, причем в Челябинской области все пять секторов экономики сокращались в течение трех последних месяцев. Столь же неблагоприятная ситуация сложилась в Архангельской области и Республике Коми, которые «тянули вниз» сводный индекс РЭА Северо-Западного ФО. Хотя в этом округе есть и гораздо более благополучные регионы (прежде всего, Ленинградская область и Республика Карелия), однако по всему округу сводный индекс РЭА остался низким (40%). В Центральном ФО, где сводный индекс РЭА был лишь немногим выше (43%), к областям с наиболее низкой экономической активностью относятся Брянская и Смоленская, а бесспорным лидером остается Белгородская область, за которой с заметным отставанием следуют Калужская и Московская области и г. Москва.

В остальных ФО сводные индексы РЭА в августе заметно выровнялись, попав в диапазон от 48% (Сибирский ФО) до 58% (Южный ФО), что указывает на

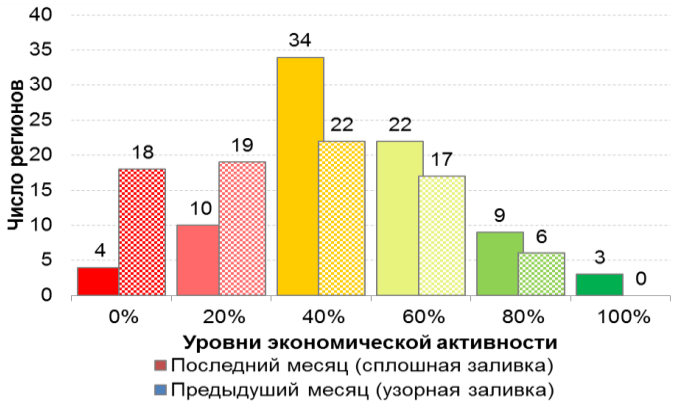
достаточно широкое пространственное распространение позитивной экономической динамики. Особенно этот результат впечатляет в сравнении с предыдущим месяцем, когда *ни в одном* из федеральных округов сводный индекс РЭА не превышал 50%.

С другой стороны, на уровне отдельных регионов (областей и республик) августовский индекс РЭА превысил 50%, указывая на рост экономической активности, только в 34 случаях; соответственно, в 48 регионах продолжился спад. Это существенно лучше, чем было в июле (см. Рис. 2.3), но все-таки недостаточно для того, чтобы указывать на начало фронтального роста. Пока можно говорить только о «намеке» на возможность такого роста. Хотя доля регионов, в которых *сокращаются* все пять секторов экономики или растет только один из пяти, в августе заметно снизилась, доля регионов, в которых четыре или пять секторов экономики *растут*, остается гораздо ниже, чем это характерно для фазы экономического роста (см. рис. 2.4, области, закрашенные оттенками зеленого цвета).

К числу самых проблемных регионов, по итогам августа, относятся (см. Рис. 2.5): Смоленская, Архангельская и Челябинская области, Республика Коми (все пять секторов сокращаются, индекс РЭА = 0), а также Брянская, Курская, Тамбовская, Калининградская, Саратовская и Тюменская области, Пермский и Алтайский край, Республики Адыгея и Кабардино-Балкария (сокращаются четыре из пяти секторов, индекс РЭА = 20%). На долю этих регионов приходится 18% от ВРП России.

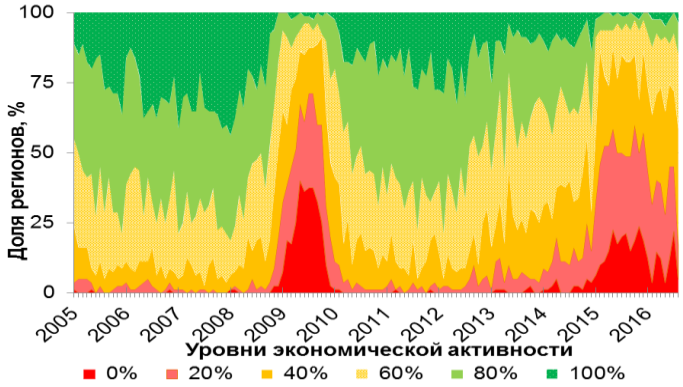
К числу наиболее успешных регионов, по итогам августа, относятся: Республики Дагестан и Мордовия, г. Севастополь (все пять секторов растут, индекс РЭА = 100%), а также Новгородская, Нижегородская, Иркутская, Томская, Амурская, Магаданская области, Краснодарский край, Республики Удмуртия и Алтай (растут четыре из пяти секторов, индекс РЭА = 80%) . На долю этих регионов приходится 10% от ВРП России. Это самый высокий уровень с декабря 2014 г., то есть с самого начала рецессии.

Рис. 2.3. Распределение субъектов федерации по разным уровням экономической активности (авг. 2016 г.)



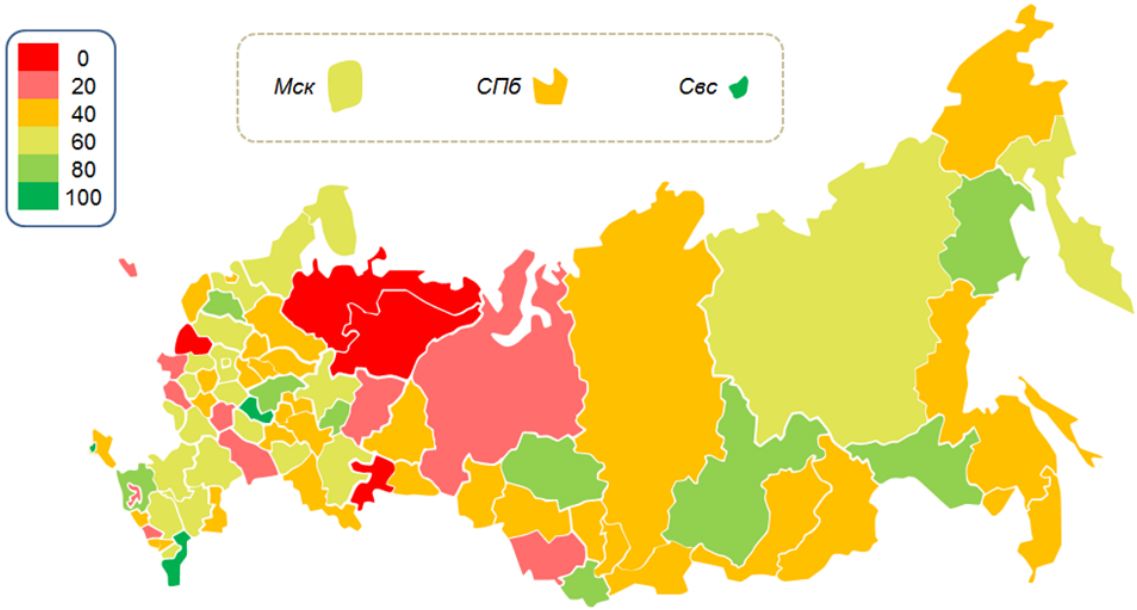
Источник: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 2.4. «Теплограмма»: доли регионов с разным уровнем экономической активности (янв. 2005 г. – авг. 2016 г.)



Источник: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Рис. 2.5. Индексы экономической активности в субъектах федерации РФ (авг. 2016 г.)



Источник: Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Таким образом, **в августе появились первые серьезные признаки возможного завершения рецессии**. С другой стороны, учитывая высокую волатильность анализируемых показателей, определенно утверждать, что рецессия уже завершилась и российская экономика отныне переходит в фазу роста, было бы слишком большим оптимизмом. Тем более, что состояние потребительского спроса и неразрешенные бюджетные проблемы по-прежнему внушают достаточно большую тревогу.

Сергей Смирнов

Макроэкономика

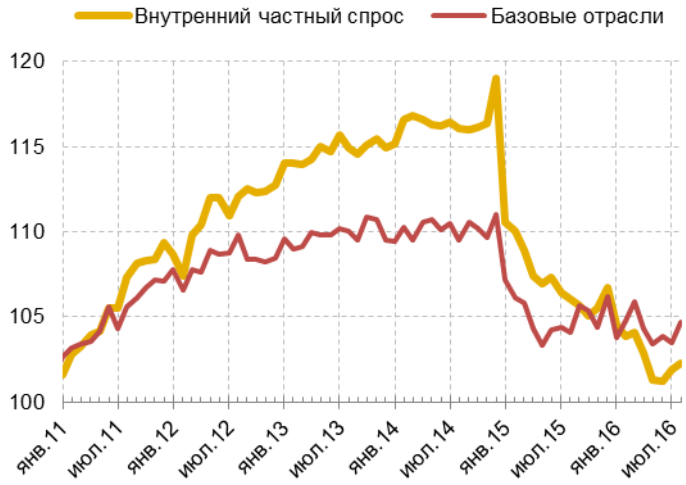
3. Некрепкий отскок

Согласно данным Росстата, экономическая активность в августе выросла относительно самых низких за кризис значений, наблюдавшихся в июле. Рост наблюдался во всех секторах, кроме розничного товарооборота. Структура роста, а также учёт календарного фактора пока не позволяют говорить о начале устойчивого восстановления экономической активности.

Индекс базовых видов экономической деятельности, который считается основным оперативным индикатором экономической активности, вырос в августе на 1,2% после снижения месяцем ранее на 0,4% до минимальных с начала текущего кризиса уровней (рис. 3.1). И если уровни мая-июля на данный момент можно охарактеризовать как дно нынешнего кризиса (в те месяцы наблюдались лишь небольшие колебания), то отскок в августе пока не позволяет судить о смене экономического тренда. Во-первых, хотя рост наблюдался в большинстве секторов, но относительно части из них есть опасения возможного разворота динамики, причем, что характерно, спрос населения на товары снизился. Во-вторых, скорее всего, сказался календарный фактор. Если в июле «не хватало» 1 рабочего дня по сравнению со средним за последние 10 лет уровнем, то в августе, наоборот, был «лишний» рабочий день. Как мы писали месяц назад, такой календарный расклад создал условия для снижения экономической активности в большинстве секторов в июле и роста активности в августе[1]. Исключение – потребительский спрос, который обычно снижается при росте числа рабочих дней (население совершает больше всего покупок в выходные).

Другой оперативный индикатор экономической активности, **внутренний частный спрос**[2], в августе продолжил восстановление после ускорения падения в апреле-мае. Однако по итогам августа спрос лишь вернулся на прежний понижательный

Рис. 3.1. Динамика индикаторов экономической активности (100 = 2010 г., сезонность устранена)

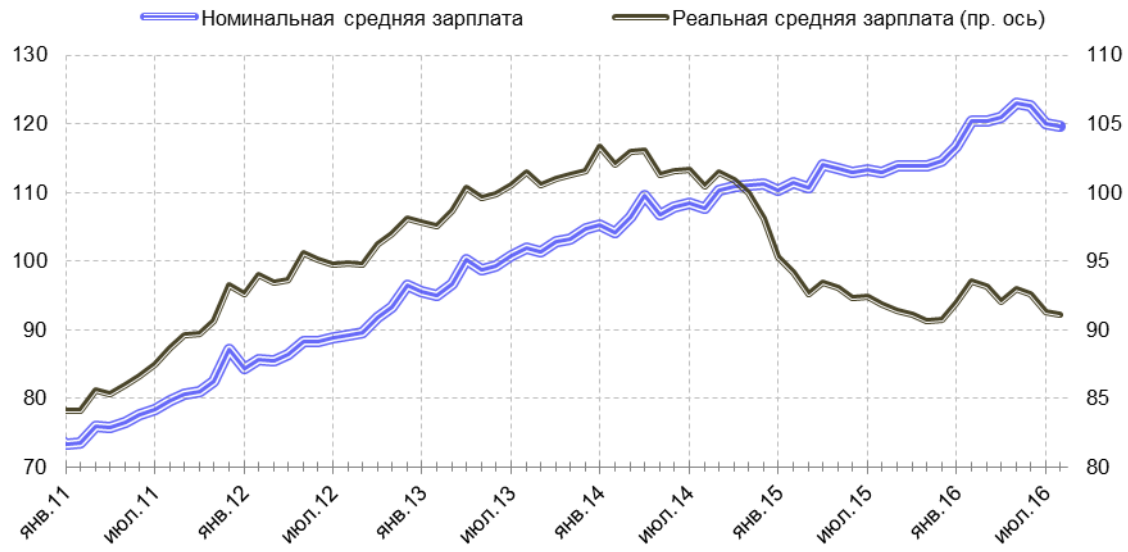


Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

[1] См. Июль прошёл на дне. Комментарии о Государстве и Бизнесе, стр. 5.
[2] Взвешенный индекс розничного товарооборота, платных услуг населению и строительства.

тренд после предшествующего провала (рис. 3.1). Более того, рост в августе замедлился вдвое по сравнению с июлем: 0,3% против 0,7%. В целом, несмотря на улучшение динамики, внутренний частный спрос продолжает оставаться слабым местом российской экономики.

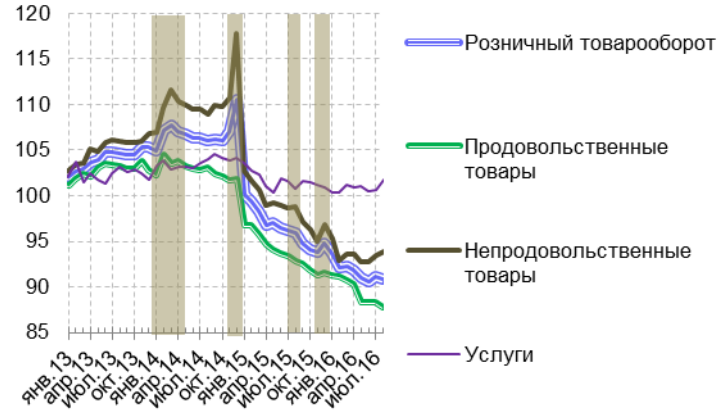
Рис. 3.3. Динамика средней зарплаты (100 = 2013 г., сезонность устранена)



Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Потребительский спрос в августе демонстрировал разнонаправленную динамику, которую, тем не менее, можно охарактеризовать как возможную стабилизацию уровня потребления. В среднем спрос населения на товары и услуги в июле и августе рос на 0,3-0,4% в месяц. Розничный товарооборот снизился на 0,2% после роста на 0,6% в июле (рис. 3.2). Помимо изменения календарного фактора («лишний» рабочий день в августе) негативно на потребительский спрос могло повлиять снижение реальных зарплат в июле-августе (рис. 3.3). И хотя повышение уровня реальных зарплат в первом полугодии не привело к росту потребления, приближение зарплат к минимальным с начала нынешнего кризиса уровням

Рис. 3.2. Динамика розничного товарооборота и платных услуг населению (100 = 2012 г., сезонность устранена)



Примечание. Коричневые области – периоды ажиотажа в сегменте непродовольственных товаров.

Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

играет в минус. При этом платные услуги населению в августе, напротив, выросли на 1,1%, хотя и этот рост пока не выходит за границы стагнирующего тренда (рис. 3.2). Так или иначе, к статистике по потреблению за август и сентябрь всегда стоит относиться осторожно, поскольку большое влияние могут оказывать изменения туристических предпочтений населения.

Таблица 3.1. Динамика базовых видов экономической деятельности (прирост к предыдущему месяцу, сезонность устранена), в %

	2016 г.						6 мес. к 6 мес. годом ранее	Состояние
	Мар	Апр	Май	Июн	Июл	Авг		
Сельское хозяйство	1,8	0,1	0,1	-0,1	1,3	1,9	4,2	рост
Промышленное производство (Росстат)	-0,5	-0,2	-0,1	0,5	-0,9	0,5	0,5	стагнация
Промышленное производство (ЦР)	1,4	-1,0	-0,3	0,7	-1,0	0,6	0,5	стагнация
Добыча полезных ископаемых	1,9	-2,6	-0,3	0,5	0,6	0,5	2,1	слабый рост
Обрабатывающие производства	0,9	0,0	-0,8	1,0	-2,2	0,8	-0,3	стагнация
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	2,3	-0,5	2,3	0,3	-0,5	0,4	0,0	стагнация
Строительство	-0,3	-5,2	-5,8	2,0	2,3	1,5	-5,3	сильное падение
Грузооборот	-0,2	-0,2	-0,8	1,7	1,8	0,4	1,2	слабый рост
Оптовая торговля	2,3	-3,3	-1,1	-0,4	-2,9	3,9	2,8	слабый рост
Розничная торговля	0,1	-0,4	-1,0	-0,4	0,6	-0,2	-5,7	сильное падение
Платные услуги населению	0,7	-0,2	0,1	-0,5	0,1	1,1	-0,4	стагнация
Базовые отрасли	**1,1**	**-1,4**	**-0,9**	**0,5**	**-0,4**	**1,2**	**-0,1**	**стагнация**
Базовые отрасли, без с/х	**1,0**	**-1,5**	**-1,0**	**0,5**	**-0,5**	**1,2**	**-0,3**	**стагнация**

Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Строительство в августе выросло на 1,5%, продолжив восстанавливаться после отвесного падения на 11% в апреле-мае. За июнь-август строительство отыграло половину падения предшествующих месяцев, однако перспективы продолжения этого тренда неясны. Пока что рост строительства обусловлен масштабным предшествующим падением, а не улучшением настроений экономических агентов. Строительная активность в августе была на 12-13% ниже докризисных

Рис. 3.4. Динамика строительства (100 = дек. 2010 г., сезонность устранена)

Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

уровней, и, к слову, соответствовала минимальным уровням кризиса 2008-2009 гг. (рис. 3.4).

Грузооборот, в отличие от других секторов практически не пострадавший в ходе текущего кризиса, за август вырос на 0,4% и находится вблизи своего исторического максимума, который, впрочем, лишь немного превышает средний уровень за последние 3-4 года. При этом мы опасаемся, что рост грузооборота в июне-августе в сумме на 4% может в ближайшие месяцы смениться сопоставимой по масштабу коррекцией. Судя по данным о добыче полезных ископаемых, в августе локальных максимумов достигла добыча газа и угля, на которые приходится значительная доля грузооборота. Для этих двух позиций характерна волатильная динамика добычи. Тем более, в среднесрочной перспективе (последние 3-4 года) грузооборот стагнирует, поэтому поддержка экономики со стороны этого сектора, вероятно, скоро закончится.

Данные Росстата об **оптовой торговле** продолжают демонстрировать высокую волатильность на фоне неясного тренда. Если в июле оптовая торговля упала на 2,9%, то в августе – выросла на 3,9%. Как мы неоднократно писали, скорее всего, «шума» в данных по оптовой торговле больше, чем «полезного сигнала», характеризующего изменение состояния сектора. Вполне возможно, за последние месяцы объемы оптовой торговли менялись незначительно.

Промышленность, ровно год находящаяся в стагнации, выросла в августе на 0,6% после снижения на 1,0% в июле. В целом, в 2016 г. наблюдается, скорее, немного негативный тренд, что обусловлено слабостью спроса, а также, возможно, укрепившимся с начала года рублем. При этом добывающий сектор, в отличие от обрабатывающего, продолжает демонстрировать положительную динамику. Рост добычи по 0,5% в месяц в июне-августе вряд ли является устойчивым состоянием сектора, особенно с учётом, скорее всего, временного характера повышенного спроса на газ и уголь, о чём было упомянуто выше. Тем не менее, налицо наличие позитивного среднесрочного тренда в динамике добывающих производств. Так, уровень добычи в августе на 3,6% превышает средний уровень докризисного 2013

Рис. 3.5. Динамика грузооборота и оптовой торговли (100 = дек. 2011 г., сезонность устранена)

Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

г., что можно рассматривать как продолжение докризисного тренда на наращивание добычи темпом около 1% в год. При этом обрабатывающие производства, упавшие во время острой фазы кризиса примерно на 5,5%, после непродолжительного роста вернулись к минимальным с начала кризиса уровням. Рост обрабатывающих производств в августе на 0,8% является лишь частичной компенсацией падения в июле на 2,2%, да и тот, вероятно, в значительно степени объясняется благоприятным календарным фактором. В целом, состояние этого сектора остаётся тяжелым, хотя ситуация в подсекторах очень неоднородна.

Таким образом, август принёс хорошие новости, но их пока недостаточно, чтобы говорить о начале восстановительного роста. Месяцем ранее экономическая активность находилась на дне (или вблизи него, если исключить сильный вклад колебаний оптовой торговли), и августовский отскок может оказаться лишь очередным колебанием вокруг бокового тренда. Растущее в последние месяцы сельское хозяйство неизбежно скорректируется в связи с завершением удачного сезона. За скачком грузооборота и добывающего сектора также, вполне возможно, последует коррекция. Даже если этого не произойдёт, продолжения роста этих секторов ждать не стоит, и, следовательно, нужны другие точки роста. Пока что динамика спроса не даёт однозначно позитивных сигналов. При этом падение зарплат в номинальном и реальном выражении создаёт дополнительные сложности на пути восстановления потребительской активности.

Впрочем, мы не исключаем, что, несмотря все сомнения, за происходящими сейчас в экономике процессами на самом деле стоит стабилизация уровня активности, и за ней может последовать переход к скромному экономическому росту, который, возможно, даже правильнее было бы назвать стагнацией. Мы оцениваем перспективы роста экономики в ближайшие годы примерно в 0,5% при стабильном уровне цен на нефть и проведении бюджетной консолидации. При этом, с одной стороны, ускорению выхода на эту пологую траекторию способствуют повысившиеся (особенно за последнюю неделю) цены на нефть и заложенное Минфином в проект федерального бюджета на 2016 г. повышение

Рис. 3.6. Динамика промышленного производства (100 = дек. 2010 г., сезонность устранена)

Источник: CEIC Data, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

расходов[3]. С другой стороны, недавно опубликованные Росстатом данные о ВВП по использованию за II квартал говорят о том, что фактор запасов, который обычно во время острой фазы кризиса усиливает падение, а после этого облегчает восстановление, в текущем кризисе уже успел последовательно сыграть обе роли, и поэтому он более не будет способствовать повышению уровня экономической активности в терминах текущих темпов роста[4]. Мешает с надеждой смотреть в будущее и усилившийся крен российской экономики в сторону сырьевых секторов – добывающих отраслей и сельского хозяйства – на фоне стагнационно-рецессивного состояния обрабатывающих производств, переход которых к активному росту является одним из условий начала устойчивого (хотя и очень скромного) роста российской экономики. Пока структурная перестройка экономики идёт в направлении, противоположном желаемому, а следовательно, долгосрочные перспективы остаются неблагоприятными.

Николай Кондрашов

Макроэкономика

4. Новая оценка конкурентоспособности России: что способствует экономическому росту?

Продвижение России в новом рейтинге глобальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума (ВЭФ) на две позиции вверх говорит об определенных успехах властей и бизнеса в процессе адаптации к новой реальности. Однако накопившиеся структурные проблемы и небесспорная методика составления рейтинга может в ближайшие годы привести к

[3] Эффект от повышения госрасходов на экономический рост будет временным и лишь ухудшит и без того тяжелую ситуацию с бюджетом, но «в моменте» эта мера повысит уровень экономической активности.

[4] Впрочем, это не означает, что вклада фактора запасов не будет видно на годовых данных за 2016 и 2017 гг., которые характеризуют накопленный, а не текущий вклад.

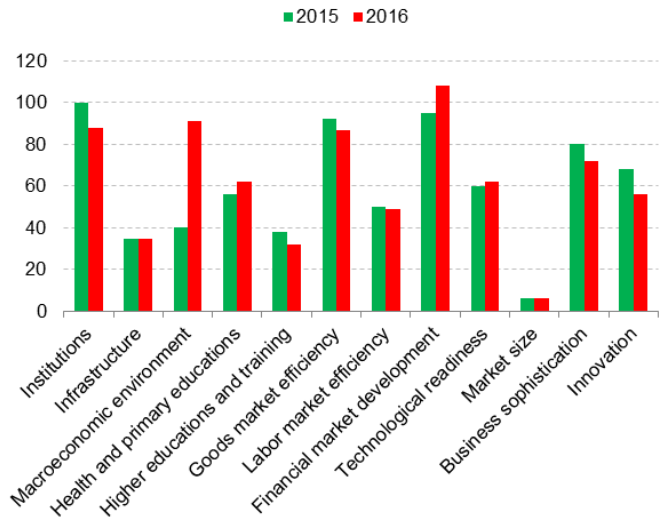
обратному движению вниз. Рейтинг при этом помогает выявить реперные точки движения вперед, если при анализе опираться на опыт диверсифицировавших свою экономику сырьевых стран и других «генетически» близких России экономик.

В новом рейтинге конкурентоспособности стран мира, составляемом Всемирным экономическим форумом (ВЭФ), Россия по сравнению с 2015 г. поднялось на 2 ступеньки до 43 места из 138 рейтингуемых экономик. Среди стран БРИКС Россия по сводному рейтингу конкурентоспособности отстала от Китая (28-е место) и Индии (39-е место), опередив Южную Африку (47-е место) и Бразилию (81-е место). Среди стран СНГ выше России находится Азербайджан, занимающий 37-е место. Казахстан в этом рейтинге ниже России – на 53-ем месте. Позиции остальных стран бывшего СССР значительно хуже, а Белоруссии в рейтинге вообще нет.

На фоне небольшого изменения интегрального рэнкинга России наблюдался значительный разброс в динамике двенадцати укрупненных показателей («оснований конкурентоспособности»), на которые разбиты более ста частных индикаторов. Сразу следует сказать, что рейтинг этого года составлен в основном на основе данных на апрель 2016 г. (макроэкономические показатели) или за 2015 г. и ранее. Констатируя подъем на 12 мест вверх по качеству институтов и инновационного процесса, на 8 мест в качестве корпоративного управления[5], на 6 мест в качестве образования и профессиональной подготовки и на 5 мест – в эффективности товарного рынка (рис. 4.1), следует отметить, что **в ряде случаев этот рост происходил от очень низкой базы**. Например, по качеству институтов и эффективности товарного рынка Россия в 2016 г. переместилась лишь на 88 –е и 87-е место соответственно, по развитости системы корпоративного управления – на 72-е место.

При этом в ряде важных характеристик национальной конкурентоспособности Россия в новом рэнкинге ВЭФ свое положение сильно ухудшила. Это, прежде

Рис. 4.1. Изменения рангов «оснований конкурентоспособности» в России в 2016 г. по сравнению с 2015 г.



Источник: The Global Competitiveness Report, WEF, 2016–2017, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

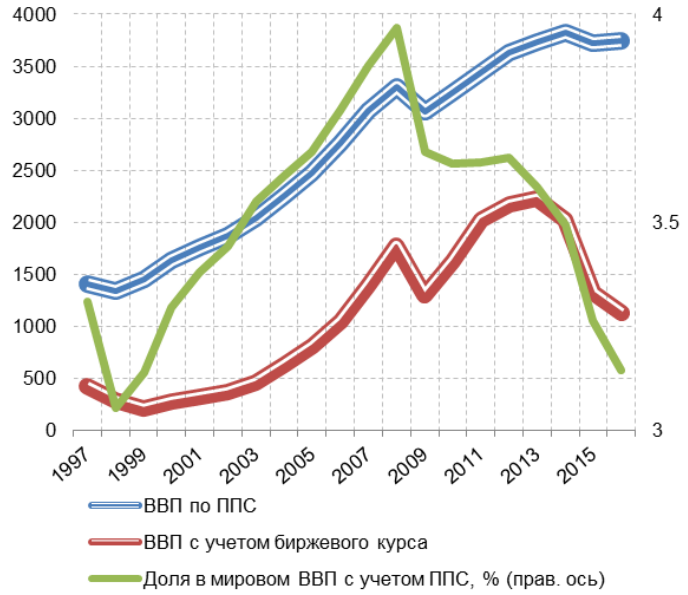
[5] «Business sophistication» на рис.1.1

всего, относится к сфере макроэкономики, где положение России, оказавшейся на 91-ом месте, по сравнению с прошлым годом, ухудшилось сразу на 41 позицию. Отметим также ухудшение ситуации с финансовыми рынками на 13 позиций и в сфере качества здоровья и начального образования - на 6 позиций (рис. 4.1). Страна переживает ценовой шок и квази-закрытие международных финансовых рынков, что негативно сказывается на доступности кредитов и венчурного финансирования. Стабилизировать настроение бизнеса помогли инъекции капитала со стороны государства в банковский сектор и переход к плавающему курсу, однако резкое снижение притока иностранных инвестиций и нестабильность цен на нефть делают будущее финансового сектора трудно прогнозируемым

Подъем России на 2 места в интегральном рейтинге за один год выглядит неплохо даже на фоне того, что в прошлом году она поднялась сразу 8 позиций. Рост прошлого года был, прежде всего, связан с тем, что МВФ повысил оценку объемов российского ВВП по паритету покупательной способности (ППС) на 40%. В 2015 - 2016 гг. российский ВВП по ППС (видимо, в результате девальвации рубля в конце 2014 г.) стал превышать ВВП, рассчитанный с учетом среднегодового биржевого валютного курса рубля к доллару, в 2,8-3,3 раза, примерно вдвое превысив соотношение этих двух показателей, характерное для 2007-2014 гг. (рис. 4.2). В силу этого, **если номинальный оценочный объем российского ВВП в долларовом выражении по итогам 2016 г. упадет по сравнению с пиковым значением 2013 г., по оценкам МВФ, примерно на 43% (до 1268 млрд долл.), то ВВП с учетом ППС вырастет на 0,3%** (до 3745 млрд долл.) (рис. 4.2), что позволит России занять 6-е место в мире (вслед за Германией с ее 3980 млрд долл. и опередив примерно на 500 млрд долл. Бразилию и Индонезию). Впереди всех будут Китай, США, Индия и Япония имеющие 21269, 18561, 8720 и 4932 млрд долл. соответственно.

Таким образом, **опираясь на результаты нового рейтинга ВЭФ, можно отметить определенные успехи в последние два года и властей, и бизнеса в поддержании конкурентоспособности российской экономики на фоне снижения нефтяных**

Рис. 4.2. Размер ВВП России, млрд. долл. США (если не указано иное)

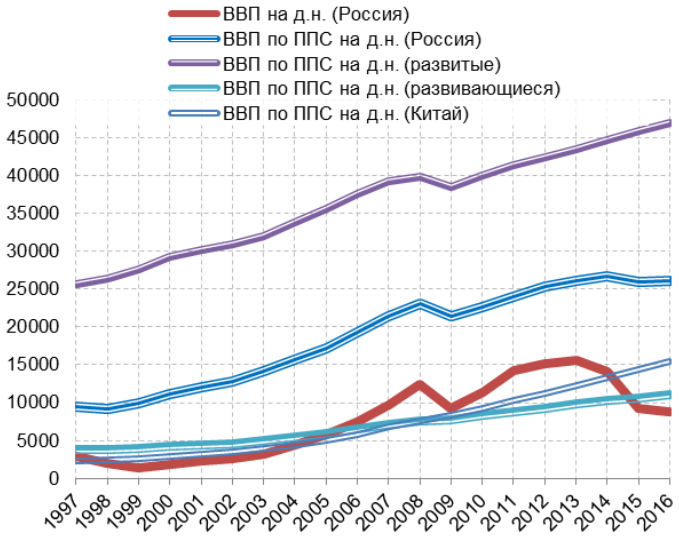


Источник: МВФ (WEO,10-2016).

цен. Это, в числе прочего, реформирование банковской системы и развитие законодательства в сфере финансового рынка, продвижение в рейтинге Doing Business, составляемого Всемирным Банком и учитываемого экспертами ВЭФ при построении своего рейтинга, снижение импортных тарифов, последовавшее после вступления Росси в ВТО в 2012 г., реформы в сфере образования. Однако **выглядящее весьма вероятным в ближайшие годы сокращение бюджетных расходов при крайне скудном притоке иностранных инвестиций может негативно повлиять на многие критически важные для долгосрочной конкурентоспособности страны сферы экономики**, учитываемые при составлении рейтинга ВЭФ (здравоохранение, образование, инновации и др.). Поэтому относительно стабильное на данный момент положение России в этом рейтинге может не только не улучшиться, но и сильно ухудшиться. Выход России на 30-е место к 2020 г. (такая цель была сформулирована несколько лет назад) возможно, так и не состоится.

Если не брать во внимание период последней рецессии, то со среднегодовыми темпами прироста ВВП в реальном выражении в 2007-2014 гг. в 2,5% ВВП Россия находится среди стран со средними показателями и темпов роста, и среднедушевого номинального ВВП на душу населения. Несмотря на мировой финансовый кризис и последовавшее за ним вялое оживление, несколько десятков стран (во главе с Китаем, Таиландом, Индией, Вьетнамом, Пакистаном и Нигерий) в этот период росли в 2-2,5 раза быстрее, и в результате **доля России в мировой экономике по ВВП с учетом ППС сократилась с почти 4% в 2008 г. до 3,26% в 2015 г. и 3,15%, по оценке МВФ, в 2016 г.** (рис. 4.2). Этот факт сам по себе негативно характеризует динамику конкурентоспособности российской экономики в ходе мирового финансового кризиса. В результате разрыв по среднедушевому ВВП по ППС между Россией и ее важнейшими торговыми партнерами и конкурентами стал сокращаться быстрее (рис. 4.3). При этом, если относительно развитых стран этот разрыв все же более или менее стабилен и составляет около 2 раз, то относительно Китая объем российского среднедушевого ВВП упал с превышения в 3,15 раза в 2007 г. до 1,7 раз, по оценке

Рис. 4.3. ВВП на душу населения в России и мире, долл. США



Источник: МВФ (WEO,10-2016).

МВФ, в 2016 г. Даже при прогнозируемом МВФ выходе российской экономики из рецессии в ближайшие годы разрыв между ней и Китаем, с точки зрения душевого ВВП по ППС, сократится к 2021 г. до 1,4 раз; объем китайской экономики по ВВП по ППС будет к тому времени превышать российский в 7,1 раза (31,7 и 4,5 тлрн долл. соответственно).

Важно и то, что российский среднедушевой ВВП, рассчитанный не по ППС, а с учетом среднегодового биржевого валютного курса, в 2016 г., по оценке МВФ, упадет примерно до 8,8 тыс. долл. США, то есть примерно на 43% относительно пика, достигнутого в 2013 г., и на 4,4% относительно 2015 г. Но душевой ВВП ниже 9 тыс. долл. США с учетом биржевого курса при доле экспорта минеральных ресурсов в совокупном экспорте выше 70% явились основаниями для перевода в этом году России при расчете рейтинга ВЭВ в ту группу стран (по счету вторую), где значимость (вес) индикаторов инновационного развития при расчете интегрального рейтинга конкурентоспособности значительно ниже, чем для высшей пятой группы (страны-инноваторы) и для стран четвертой группы, переходной от стран, движимых факторами эффективности производства, к странам-инноваторам. Именно в последней группе Россия находилась еще в прошлом году, а сейчас она была перемещена сразу на две ступни вниз (таб. 4.1).

Таблица 4.1. Характеристики развития некоторых сырьевых и прочих экономик и их классификация в рейтинге ВЭФ

	ВВП на душу населения, долл. США по биржевому курсу				Место в рейтинге	
	2011-15 гг. в среднем	2015 г.	Доля минераль-ных продуктов в экспорте, %	Группа (стадия) в рейтинге ВЭФ 2016-2017 гг.	2016-2017гг.	2015-2016 гг.
Катар	92 935	68 940	97,6	5(3)	18	14
Норвегия	95 116	74 598	66,8	5(3)	11	11

США	52 880	56 084	11,3	5(3)	3	3
Австралия	62 362	51 181	58,4	5(3)	22	21
Канада	50 119	43 280	28,1	5(3)	15	13
ОАЭ	41 686	38 650	68,9	5(3)	16	17
Кувейт	40 209	27 756	93,9	2(1-2)	38	34
Сауд. Аравия	23 726	20 583	84,1	4(2-3)	23	25
Чили	14 660	13 342	26,3	4(2-3)	33	35
Казахстан	12 493	10 426	78,1	2(1-2)	53	42
Россия	13 659	9 243	**70,2**	**2(1-2)**	**43**	**45**
Мексика	10 243	9 452	13,1	4(2-3)	51	57
Азербайджан	7 261	5 739	93,4	2(1-2)	37	40
Индонезия	3 601	3 362	33,7	3	41	37

** при составлении рейтинга ВЭФ страны делятся на три стадии развития (ресурсно-ориентированная, ориентированная на эффективность и на инновации) и на пять групп с учетом того, что ряд стран находятся в процессе перехода от первой стадии ко второй и от второй к третьей.*

Источник: iMF; ITC; The Global Competitiveness Report, WEF, 2016–2017.

Это значит, что Россия из четвертой группы стран, где сейчас из крупных экономик находятся Чили, Мексика, Польша, Южная Африка и Турция, переместилась во вторую группу стран, где также находятся Азербайджан, Казахстан, Кувейт, Украина и Вьетнам. При этом, Индия в силу очень низкого среднедушевого ВВП (около 1,5 тыс. долл. США в среднем в 2011-2015 гг.) находится на стадии ресурсно-ориентированного развития (когда важен упор на развитии первичного образования и здоровья и минимально необходимой для развития инфраструктуры), а остальные страны БРИКС (с ВВП на душу населения в диапазоне 7-12 тыс. долл. США) находятся на третьей стадии по методологии ВЭФ. На этой стадии развитие стран, по мнению авторов методики ВЭФ, прежде всего, определяется факторами, влияющими на эффективность производства и качество продукции. Страны этой группы, чтобы продвинуться в рейтинге ВЭФ, должны делать упор на улучшении системы высшего образования и

профессиональной переподготовки рабочей силы, на повышении гибкости и эффективности рынка труда и товаров, на развитии финансового рынка и экспортной активности, на совершенствовании технологий.

Таким образом, теперь, если исходить из желания продвинуться в рейтинге, Россия должна меньше уповать на улучшение индикаторов инновационного развития (которые для нее имеют меньший, чем раньше, вес) и больше внимания уделять факторам конкурентоспособности, отмеченным выше. Впрочем, **методология ВЭФ выглядит далеко не бесспорной**. Например, не вполне логичен тот факт, что Саудовская Аравия или Катар, имеющие еще большую, чем Россия долю экспорта минеральных продуктов в совокупном экспорте и не менее сильно страдающие от падения нефтяных цен, располагаются в четвертой и пятой (высшей) группе стран соответственно (таб. 4.1).

Эксперты ВЭФ, имея в виду случай Катара, объясняют это тем, что страны более богатые (с точки зрения среднедушевого ВВП по номиналу как прокси зарплаты в той или иной экономике) не могут рассчитывать на заимствование инноваций, так как купленные (вторичные) инновации менее эффективны, чем сгенерированные первично. Поэтому, по мнению ВЭФ, перспективы роста благосостояния сырьевых и очень богатых экономик (чей ВВП выше, чем у стран, находящихся у технологической границы, например, США[6]) напрямую зависят от развитости национальной инновационной системы. Однако, на наш взгляд, возможность развития национальной инновационной системы определяется не только достигнутым уровнем зарплат и прочих доходов, но и другими факторами, например, качеством образования и имеющимися технологическими заделами, которые есть, например, у России (космос, атомная энергетика, научные традиции и др.), но нет у Катара и Саудовской Аравии.

Впрочем, **любой подобного рода сводный рейтинг, с научной точки зрения, есть**

[6] В реальности в рейтинге ВЭФ в качестве стран, находящихся на технологический границе, принимаются 10 государств, наиболее активных в патентной сфере (их отбор проводится по одному из мировых рейтингов патентной активности).

огромное упрощение, и к нему надо относиться соответственно. При несомненной желательности продвижения России в рейтинге ВЭФ в ближайшие годы (хотя бы с точки зрения его несомненной популярности в прессе и в среде инвесторов), особый интерес для России представляет его использование для сопоставления со странами, которые преодолели т.н. «ресурсной проклятие» и достигли, так сказать, ресурсного благословения. К ним в экономической литературе обычно относят Норвегию, Канаду, Австралию и, с определенными оговорками, Чили. Эти страны имеют среднедушевой ВВП по ППС, как правило, значительно более высокий, чем Россия (за исключением Чили - таб. 4.2). Интересно посмотреть и на те страны СНГ, которые близки к России, с точки зрения совместного прошлого в СССР, но опережающие ее в текущем рейтинге конкурентоспособности или соседствующие с ней. Это Казахстан и Азербайджан.

По показателю объема ВВП по ППС Россия среди рассматриваемых стран занимает несомненное первое место (таб. 4.2), имея в силу этого кратно больший внутренний рынок, что является ее основным сравнительным преимуществом. С точки зрения макроэкономических индикаторов, Россия проигрывает всем этим странам по темпу инфляции: налицо очередной «удар» кризиса по довольно слабому рублю. Впрочем, инфляционный шок уже прошел, а государственный долг РФ сопоставим с таковым у Чили; у более развитых стран логично ждать более высокий уровень соотношения «долг-ВВП»: такой уровень является как бы гарантией их платёжеспособности. Следует отметить низкое место России по количеству процедур, необходимых для открытия бизнеса (больше лишь у Чили). Не исключена связь этого явления с коррупцией, которая, как будет показано далее, является немаловажным – хоть уже и не основным - препятствием в России для открытия бизнеса. По количеству дней, необходимых для открытия бизнеса, Россия и вовсе ставит «антирекорд». Доля населения, использующего Интернет, в России выше, чем в Казахстане и Чили (вероятно, в силу значительной доли городского населения и относительной развитости сферы ИКТ), но ниже, чем в развитых странах. Не выдерживает Россия конкуренции с последними и по количеству международных патентов (что является как следствием запущенного

состояния науки, так и отличия её стандартов от международных либо неоптимального внедрения таковых). В целом, на данный момент Россия занимает одно из двух последних мест в рассматриваемом списке по общему рейтингу конкурентоспособности (ниже лишь Казахстан): зависимость от цен на нефть и рынков сбыта сырой нефти в условиях санкций с большой вероятностью приводит к весьма негативным последствиям для экономики.

Таблица 4.2. Макроэкономические и институциональные характеристики России, развитых стран с добывающей промышленностью, а также стран СНГ, находящихся в рейтинге ВЭФ за 2016 г. выше России

Показатель	Россия	Австралия	Канада	Норвегия	Чили	Азербайджан	Казахстан
ВВП по ППС, млрд долл. США	3717,6	1138,1	1631,9	356,2	422,4	169,4	429,1
ВВП по ППС на душу в 2015 г., долл. США (по данным МВФ)	25965	47644	45602	68591	23507	18030	25912
Баланс государственного бюджета, % от ВВП	-3,5	-2,8	-1,7	5,4	-2,3	-3,4	-5,3
Валовые национальные накопления, % от ВВП	23,4	22,2	20,5	37,6	20,4	26,6	24,2
Инфляция, среднегодовая, %	15,5	1,5	1,1	2,2	4,3	4,0	6,5
Государственный долг, % от ВВП	17,7	36,8	91,5	27,9	17,1	36,1	23,3
Экспорт, % от ВВП	29,5	19,3	31,2	37,4	30,4	35,0	29,8
Импорт, % от ВВП	21,2	21,4	34,3	31,3	31,8	33,2	24,1
Количество процедур, необходимых для открытия бизнеса	4,4	3,0	2,0	4,0	7,0	2,0	4,0
Количество дней, необходимых для открытия бизнеса	10,5	2,5	1,5	4,0	5,5	3,0	5,0
Торговые тарифы, % от государственного долга	5,8	2,1	2,8	3,0	3,2	7,7	5,8

Доля населения, использующего Интернет, %	73,4	84,6	88,5	96,8	64,3	77,0	72,9
Международные патенты, штук на млн чел.	8,1	76,2	90,1	140,7	7,5	0,5	1,4
Глобальный индекс конкурентоспособ-ности, оценка по шкале от 1 до 7 в рейтпнге 2016-2017 гг. (value)	**4,5**	**5,2**	**5,3**	**5,4**	**4,6**	**4,6**	4,4
Глобальный индекс конкурентоспособ-ности, место страны в рейтинге 2016-2017гг. (rank)	**43**	**22**	**15**	**11**	**33**	**37**	53

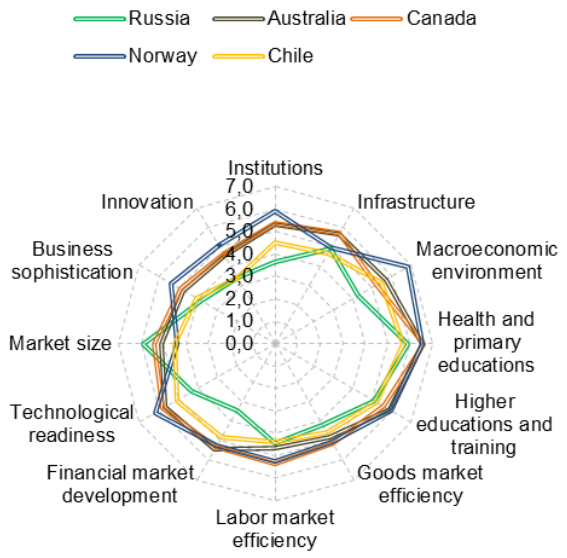
Источник: The Global Competitiveness Report, WEF, 2016–2017; МВФ-ВВП по ППС на душу населения в 2015 г.

Что касается рейтинга России на фоне других стран, все рассматриваемые развитые страны и Чили в рамках существующей системы оценки двенадцати «оснований конкурентоспособности» близки к России, однако и здесь можно обнаружить свои особенности. Преимущество у России надо всеми странами – только по показателю размера рынка; по развитости институтов, финансовых рынков, а также по внедрению инноваций она, напротив, уступает всем (это характерная особенность экономики, ориентированной на добычу полезных ископаемых, а сопоставление проводится со странами, в настоящее время зависящими от неё в гораздо меньшей степени) (рис. 4.4).

Если говорить о сопоставлении с Азербайджаном и Казахстаном, то здесь Россия имеет уже преимущество как по размерам рынка, так и по инфраструктуре и образованию, но проигрывает по эффективности рынка труда (рис. 4.5).

Наконец, очень интересно сопоставление с Индией и Китаем – странами БРИКС. Это важно, так как в отличие от Канады и Австралии, расположенных изолированно от других крупных экономик и горячих точек, Китай и Индия как и Россия – крупнейшие континентальные евразийские державы. При этом, Китай

Рис. 4.4. Оценка развитости «оснований конкурентоспособности» в России, Норвегии, Австралии, Канаде и Чили по данным ВЭФ, оценка по шкале от 1 до 7



Источник: The Global Competitiveness Report, WEF, 2016–2017, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

сильно обгоняет Россию по рейтингу макроэкономической среды, но Россия выигрывает и у Китая, и у Индии по рейтингу высшего образования и квалифицированного труда (экономика Китая и Индии в большей степени держится на малоквалифицированном и низкооплачиваемом ручном труде). Наблюдаются также её преимущества по технологической готовности (можно сказать – в силу той же причины) (рис. 4.6).

Для полноты картины, рассмотрим теперь, какие же факторы затрудняют ведение бизнеса в России и других рассматриваемых странах. Долгое время основным препятствием для ведения бизнеса в России – как и в других странах СНГ - была коррупция, однако теперь она уступила место инфляции (Россия и Казахстан), чего естественно ожидать при слабом рубле. Вместе с тем, бизнесменов из этих стран практически не тревожит низкий уровень здравоохранения (скорее из-за сложившихся особенностей отношения к здоровью), а также нестабильно работающее правительство и политическая нестабильность в целом (из-за надежды на сильную президентскую власть; впрочем, в России, по сравнению с прошлым годом, данный фактор вырос в значимости). Колебания зарубежных валют в этом году значат для бизнесменов существенно более, чем раньше (очевидно, колебания курса иностранных валют вынудили их понести потери). А вот представители развитых стран более всего «напуганы» жёстким трудовым законодательством (в частности, сказывается затруднённый доступ мигрантов к трудовой деятельности), ставками налогов (в силу наличия прогрессивных ставок) и отсутствием возможности внедрения инноваций (в России этот вопрос стоит не так остро, скорее, по привычке, когда приток не заработанной нефтяной ренты позволял не заботиться об инновациях).

Резюмируя всё вышесказанное, уместно вспомнить известный философский тезис об особом пути России, отличном от европейского и азиатского; в последние годы данный тезис становится всё более популярным. Однако, по мнению авторов, принимать его следует с большой осторожностью. **«Свой путь» должен означать сохранение некоего внутреннего, сложившегося исторически индивидуального**

Рис. 4.5. Оценка развитости «оснований конкурентоспособности» в России, Азербайджане и Казахстане, по данным ВЭФ, оценка по шкале от 1 до 7

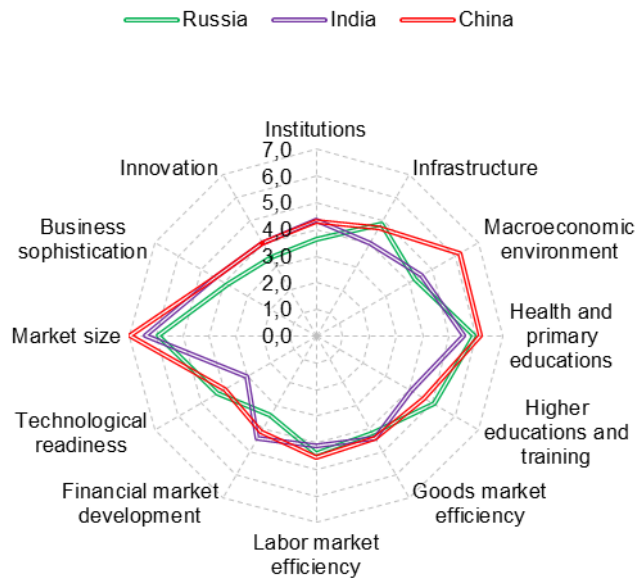
Источник: The Global Competitiveness Report, WEF, 2016–2017, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

«стержня» при категорическом отсутствии неприятия заимствования передового опыта иных стран, притом заимствованный опыт должен подвергаться грамотной адаптации под российские условия. Говоря в рамках проведённого анализа, заключим, что России имеет смысл искать оригинальную комбинацию факторов, способных увеличить конкурентоспособность российской экономики, а значит обеспечить устойчивый долгосрочный рост. Этот поиск должен увенчаться возникновением самобытной композиции факторов и институтов. Эта композиция будет учитывать как опыт сырьевых экономик, сумевших диверсифицировать производство (улучшение за счёт «нефтедолларов» ситуации с физическим и человеческим капиталом, как поступила Норвегия и некоторые ближневосточные страны), так и опыт сырьевых экономик в рамках СНГ, а также крупных развивающихся стран с емким рынком – например, добыча новых видов полезных ископаемых (как в Китае), являющихся сырьём для современного высокотехнологичного производства. Важно учесть, что последние нередко имеют при этом в той или иной форме геополитические трения с соседями (что ведет к дополнительной –военной - нагрузке на бюджет) и, как следствие, сильное военное лобби. Ориентируясь на историю этих стран (в частности Чили), а также Турции, следует учитывать их военно-экономический опыт, например, в поиске механизмов прямой увязки пенсий кадровых военных и «силовиков» с результатами развития экономики за предшествующие десять или более лет. Но это тема уже другого разговора.

Таблица 4.3. Факторы, затрудняющие ведение бизнеса в России, в сырьевых экономиках, сумевших диверсифицироваться, а также в странах СНГ, находящихся в рейтинге ВЭФ выше России (доля, указавших на фактор, в % от опрошенных)

Фактор	Россия	Австралия	Канада	Норвегия	Чили	Азербайджан	Казахстан
Коррупция	10,9	0,1	0,1	0	1,7	16,6	12,8
Неэффективный правительственный аппарат; бюрократия	6	11,6	15,7	12,2	17,2	7	4,1

Рис. 4.6. Оценка развитости «оснований конкурентоспособности» в России, Китае и Индии по данным ВЭФ, оценка по шкале от 1 до 7



Источник: The Global Competitiveness Report, WEF, 2016–2017, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Жёсткое трудовое законодательство	2,7	20,2	4,9	14,9	15,8	2,2	3,8
Плохой уровень развитости инфраструктуры	4,3	6,1	7,9	8,9	3,5	4,4	2
Налоговая политика	7,7	10,3	10,8	12,8	10	9,7	8,9
Доступ к финансированию	10,7	6,4	15,3	8,3	4,7	8,7	11,5
Ставки налогов	13,3	17,3	14,8	17	6,9	9,2	13
Неквалиф. рабочая сила	4,6	3,9	5,1	3,3	11,6	8,1	5,7
Политическая нестабильность	6,7	5	5	1,8	6	1,7	0,6
Инфляция	13,8	1,1	0,6	0	0,6	10,3	16,6
Отсутствие трудовой этики у рабочей силы	3,6	7,7	2,8	1,5	4,3	6	2,9
Колебания зарубежных валют	5,2	2,3	0,6	4,5	0,2	10,3	7,2
Отсутствие возможности внедрения инноваций	3,6	6,3	15,8	12,8	10,2	0,6	4,7
Нестабильно работающее правительство, возможность государственного переворота	3,1	1,7	0,3	1,2	0,5	0,3	1,1
Преступность, воровство	2,9	0,1	0,2	0,9	4,6	2,7	3,7
Недостаточный уровень здравоохранения	1	0	0,1	0	2,1	2,1	1,4

Источник: The Global Competitiveness Report, WEF, 2015–2016.

Валерий Миронов, Алексей Кузнецов

Реальный сектор

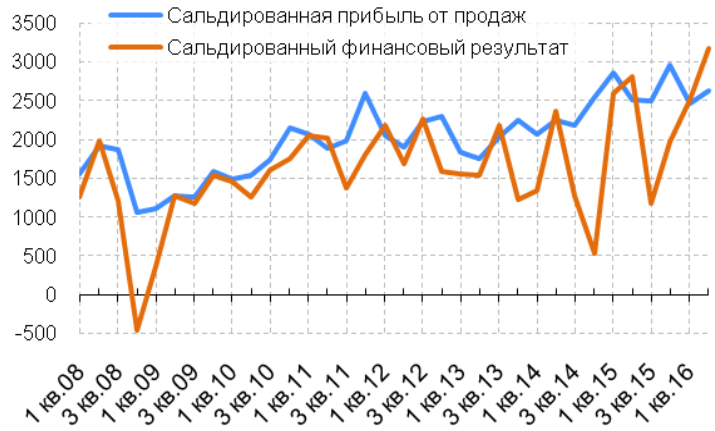
5. *Прибыль во втором квартале. Экономика никак не выйдет из пике́, а прибыль на пи́ке*

Обновлены рекорды по сальдированному финансовому результату и прибыли прибыльных организаций при опережающем росте производственных издержек и убытка убыточных организаций – таковы основные финансовые итоги развития экономики во втором квартале текущего года. Как в кризис зарабатывается прибыль? Какие факторы являются определяющими? И при чём тут курс рубля и дивиденды?

По данным Росстата, во втором квартале 2016 г. выручка от продаж продукции составила 33,3 трлн. руб., увеличившись к соответствующему периоду прошлого года на 11,7%. Себестоимость, включая коммерческие и управленческие расходы, росла быстрее (на 12,4%). При этом **сальдированный финансовый результат экономики вырос на 13,1%** (даже после уточнения Росстатом данных за второй квартал прошлого года в сторону увеличения) **и достиг абсолютного рекорда в 3,2 трлн. руб.** (см. Рис. 5.1). Чтобы понять, как и почему сложился такой итоговый результат, рассмотрим основные его составляющие: сальдированную прибыль от продаж и сальдо по «внереализационным»[7] операциям, а также их динамику.

Сальдированная прибыль от продаж во втором квартале составила 2,6 трлн. руб. и выросла к уровню прошлого года на 4,3% или 109 млрд. руб. в основном благодаря сектору услуг, где прирост (несмотря на 20%-ное снижение в торговле)

Рис. 5.1. Сальдированная прибыль от продаж и сальдированный финансовый результат экономики, млрд. руб.



Источники: Росстат, ЕМИСС, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

[7] В данном случае финансовый результат экономики от «внереализационных» операций представляет собой разницу между сальдированной прибылью до налогообложения и сальдированной прибылью от продаж и включает доходы от участия в других организациях, сальдо по процентам к получению и уплате, сальдо прочих доходов и расходов, в том числе сальдо по курсовым разницам. Обобщённое название для такого рода доходов и расходов в новой форме «Отчёта о финансовых результатах» не предусмотрено, поэтому в аналитических целях будем использовать прежнее наименование - «внереализационные» (доходы, расходы, операции).

составил 12,9%. А вот в промышленности, на долю которой в текущем году приходится без малого 60% прибыли экономики от продаж, прирост ко второму кварталу 2015 г. составил лишь 6,6 млрд. руб. или 0,4%. **Определяющим фактором для динамики суммарной прибыли промышленности от продаж стал опережающий рост издержек производства и реализации** (+5%) на фоне незначительного роста выпуска (+1%) и критического замедления цен производителей (до 3% против 14% годом ранее).

Специфическая комбинация указанных факторов (выпуска, цен производителей и производственных издержек) обусловила **чрезвычайно высокий разрыв в показателях прибыли от продаж для отдельных промышленных отраслей**. Так, в добыче топливно-энергетических ресурсов (ТЭР) и нефтепереработке определяющим фактором снижения прибыли от продаж соответственно на 9,5% и 37% стало падение цен производителей. В нефтепереработке дополнительное негативное влияние оказало падение выпуска. В добыче прочих полезных ископаемых, энергетическом секторе и в производстве машин и оборудования ценовой фактор также был определяющим, но с большим «плюсом», в результате прибыль от продаж здесь выросла соответственно на 69%, 95% и 32%. В химической и пищевой отраслях снижение прибыли от продаж произошло, главным образом, из-за опережающего роста производственных издержек, несмотря на рост выпуска и цен производителей выше средних показателей по промышленности в целом. А в производстве строительных материалов, электрооборудования и транспортных средств основным фактором, определившим негативную динамику прибыли от продаж, стало падение выпуска.

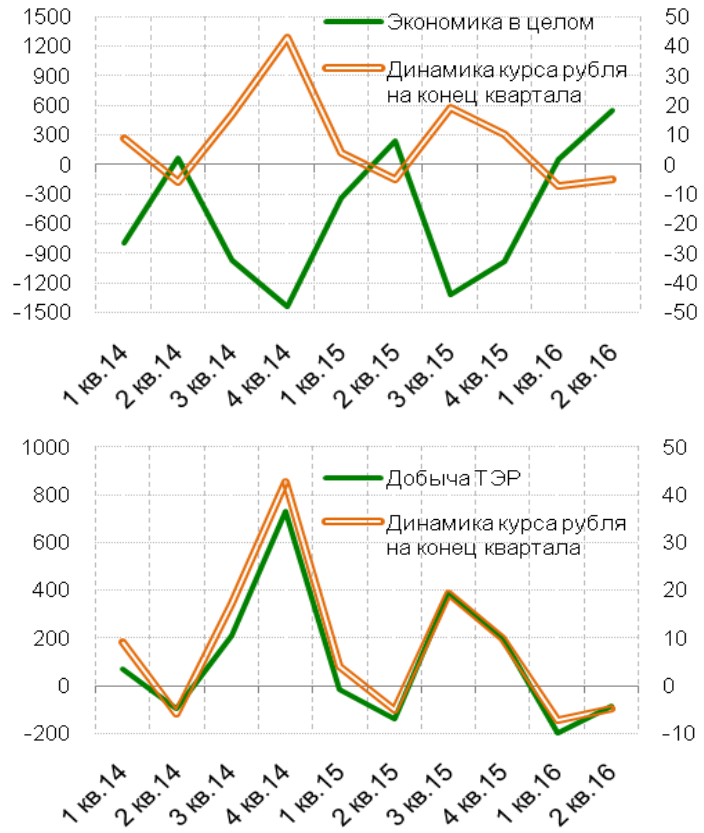
В 2014-2015 гг. **усилилось влияние внереализационных факторов** на формирование итогового финансового результата экономики, в том числе более ярко проявилась **зависимость сальдированной величины внереализационных операций от динамики курса рубля** (см. Рис. 5.2). Знак «минус» в динамике курса означает укрепление рубля, «плюс» - падение. Коэффициент корреляции между рассматриваемыми показателями в 2014 г. - первом полугодии 2016 г. составил

для экономики в целом -0,9; для обрабатывающей промышленности – -0,96; для добычи ТЭР – +0,98. Приведённый график и расчёты наглядно демонстрируют тот факт, что в периоды укрепления курса рубля (а это второй квартал 2014-2015 гг. и первое полугодие 2016 г.) существенную прибавку к прибыли получают обрабатывающие производства и экономика в целом, в периоды падения курса в выигрыше оказывается, прежде всего, добыча ТЭР.

Прежде чем вернуться к обсуждению внереализационных факторов роста прибыли во втором квартале 2016 г., отметим общую сезонную особенность «вторых кварталов»: как правило, в этот период сальдо по внереализационным операциям положительное, в остальные кварталы – отрицательное (в том числе и в 2014-2016 гг.). Возможно, эта особенность объясняется начислением дивидендов по итогам прошедшего года. Бухгалтерская отчётность за прошлый год сдаётся до 1 апреля текущего года, и, скорее всего, величина дивидендов определяется именно во втором квартале текущего года. Источником дивидендов, понятно, является чистая прибыль (Росстат эти данные не публикует, и мы их не рассматриваем), но после уплаты соответствующего налога их величина в общем случае[8] отражается в строке 2310 «Отчёта о финансовых результатах» компаний-акционеров (выплаты физическим лицам и государству не берём) как доходы от участия в других организациях.

Таким образом, похоже, что именно **большая прибыль 2014-2015 гг. способствовала небывалому росту сальдированного финансового результата от внереализационных операций** во втором квартале 2015 и 2016 гг.: 236 и 551 млрд. руб. соответственно (прежний максимум был показан во втором квартале 2011 г. и составил 183 млрд. руб.) (см. Табл. 5.1).

Рис. 5.2. Сальдированный финансовый результат от внереализационных операций (млрд. руб.); прирост (снижение) курса рубля (руб. /долл. США) к предыдущему кварталу (в %) – правая шкала.



Источники: Росстат, ЕМИСС, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

[8] Для организаций, основным видом деятельности которых является участие в уставных капиталах других организаций, полученные дивиденды отражаются в выручке.

Таблица 5.1. Финансовые результаты экономики (без субъектов малого предпринимательства, банков, страховых компаний и бюджетных учреждений) во втором квартале 2014-2016 гг.

	2 квартал 2014 г.	2 квартал 2015 г.	2 квартал 2016 г.
Выручка от продаж, млрд. руб.	27 023	29 850	33 345
к соответствующему периоду предыдущего года, в %	1,7	10,5	11,7
Себестоимость продаж, коммерческие и управленческие расходы, млрд. руб.	24 768	27 337	30 723
к соответствующему периоду предыдущего года, в %	-0,3	10,4	12,4
Прибыль от продаж, млрд. руб.	2 255	2 513	2 622
к соответствующему периоду предыдущего года, в %	28,8	11,4	4,3
Сальдо внереализиционных доходов и расходов, млрд. руб.	59	236	551
к соответствующему периоду предыдущего года, в %	-	299,5	133,8
Прибыль прибыльных организаций, млрд. руб.	2 341	2 944	3 407
к соответствующему периоду предыдущего года, в %	20,8	25,7	15,7
Убыток убыточных организаций, млрд. руб.	27	195	234
к соответствующему периоду предыдущего года, в %	-93,7	622,9	19,6
Сальдированный финансовый результат по оперативным данным (до пересчёта за предыдущий год), млрд. руб.	2 314	2 748	3 173
к соответствующему периоду предыдущего года, в %	53,3	18,8	15,4
Сальдированный финансовый результат после пересчёта данных за предыдущий год, млрд. руб.	2 360	2 806	3 173
к соответствующему периоду предыдущего года, в %	53,4	18,9	13,1
Поступление налога на прибыль, млрд. руб.	578	869	842
к соответствующему периоду предыдущего года, в %	29,3	50,3	-3,1
Удельный вес сальдированной прибыли до налогообложения в ВВП, в %	12,5	14,6	15,9

Источники: Росстат, ЕМИСС, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Во втором квартале 2016 г. зафиксирован ещё один **абсолютный рекорд:**

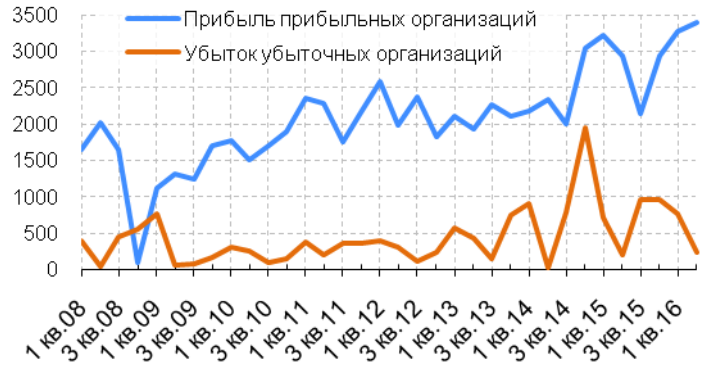
сальдированный финансовый результат прибыльных организаций, формирующий базу для налога на прибыль, **превысил 3,4 трлн. руб.**, увеличившись относительно прошлогоднего уровня на 15,7% и улучшив предыдущий максимум, показанный в первом квартале 2016 г., на 4% (см. Рис. 5.3). Однако, по данным ФНС, поступление средств по налогу на прибыль в консолидированный бюджет РФ при этом снизилось по сравнению со вторым кварталом 2015 г. на 3,1%, в том числе в федеральный бюджет – на 21%[9].

Убыток убыточных организаций, хотя и увеличивался быстрее прибыли прибыльных (на 19,6% к прошлогоднему уровню), но его величина во втором квартале текущего года не превысила и 7% от объёма прибыли прибыльных организаций. Заметим, что и в предыдущие годы минимум убытка убыточных организаций приходился именно на второй квартал (за исключением 2012-2013 гг.[10]). Возможно, причина опять в начислении дивидендов.

Подводя итоги, отметим, что **рекордные показатели прибыли**, показанные во втором квартале 2016 г., **не привели к сколько-нибудь заметному росту рентабельности продукции**[11]. Её величина, составившая по экономике в целом 9,5%, хотя и подросла на 0,3 процентных пункта относительно прошлогоднего уровня, так и не преодолела двузначный рубеж.

Елена Балашова

Рис. 5.3. Сальдированный финансовый результат прибыльных и убыточных организаций, млрд. руб.



Источники: Росстат, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

[9] По данным ФНС, по состоянию на 1.07.2016 г. база для исчисления налога на прибыль (по полному кругу организаций) выросла на 12% к соответствующей дате 2015 г., при этом задолженность за тот же период снизилась на 15%. Возможно, дело в дополнительных льготах, отсрочках, рассрочках по уплате налога на прибыль. Данные о задолженности по налогу на прибыль на 1.04.2016 на сайте ФНС отсутствуют, так что оценить изменение задолженности за второй квартал текущего года в сравнении со вторым кварталом прошлого года не представляется возможным.

[10] В 2012-2013 гг. минимальная величина убытка убыточных организаций сдвинулась на третий квартал.

[11] Рассчитанной как отношение сальдированного финансового результата к выручке от продаж в процентах.

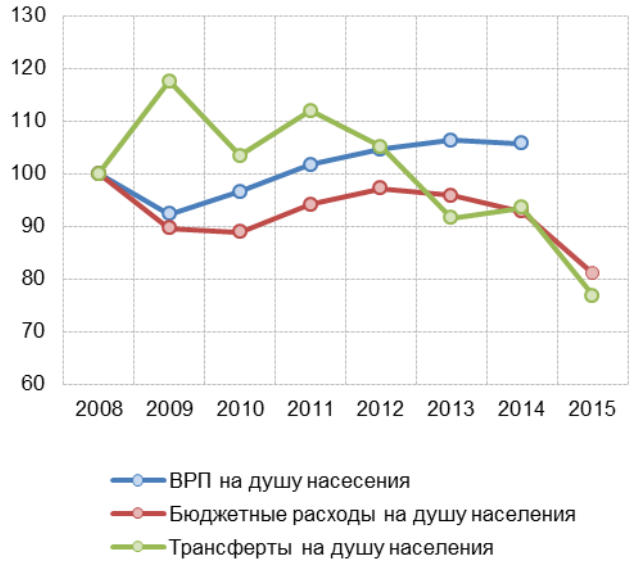
Бюджет

6. Кризис и увеличение бюджетного неравенства регионов

Как отмечалось в предыдущих выпусках КГБ, экономический кризис 2015г. привел к резкому сокращению бюджетных расходов регионов. Еще одним важным последствием кризиса стало увеличение дифференциации регионов по показателю бюджетных расходов на душу населения. Нынешняя ситуация существенно контрастирует с кризисом 2009 г., когда поддержка регионов из федерального центра была существенно увеличена, а дифференциация по доходам не выросла.

Российские регионы по-разному пережили кризисы 2009 и 2015 гг. (оговоримся, что нынешний кризис еще не преодолен и о его окончательных последствиях говорить преждевременно). В 2009 году ВВП России сократился на 7,8%, в 2015 г. это сокращение составило «всего» 3,7%. При этом, трансферты регионам из федерального бюджета в реальном выражении (с учетом потребительской инфляции) выросли в 2009 г. по отношению к 2008 г. на 17,5%, тогда как в 2015 г. трансферты регионам по сравнению с 2014 г. в неизменных ценах сократились более чем на 15%. Активная трансфертная политика в 2009 г. помогла регионам сгладить последствия кризиса, но, разумеется, из-за резкого падения собственных доходов (в номинальном выражении они сократились на 12,4%) полностью элиминировать влияние кризиса не удалось. В 2015 г. собственные доходы регионов выросли на 6,3%, но сокращение трансфертов привело к обострению бюджетных проблем в регионах. Можно выделить две причины столь существенных различий в трансфертной политике. Во-первых, можно говорить об изменении приоритетов федерального центра и увеличении доли расходов на «силовой блок». Во-вторых, в отличие от 2009 года, на действия правительства оказывает влияние вполне реалистичное представление о том, что нынешний кризис будет затяжным и ресурсы неплохо поберечь.

Рис. 6.1. Индексы роста ВРП, бюджетных расходов и трансфертов из федерального бюджета в неизменных ценах за 2008-2015 гг. (2011 год =100%)



Источник: Росстат, Казначейство России, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Нынешний кризис, помимо существенного сокращения региональных расходов в реальном выражении, привел и другому негативному результату – увеличению дифференциации регионов по расходам на душу населения. Динамика этого показателя по России в целом в неизменных ценах представлена на рис. 6.1 вместе с динамикой подушевых трансфертов и ВРП в реальном выражении. Как следует из рис. 6.1, после резкого спада в 2009 г., ВРП на душу населения рос до 2013 г. включительно, в 2014 г. началось снижение этого показателя (данные Росстата по ВРП за 2015 г. пока не опубликованы). Бюджетные расходы регионов на душу населения в постоянных ценах резко сократились в 2009 году, сокращение продолжилось и в 2010 году. В 2011 и 2012 гг. наблюдался рост данного показателя, но в 2013 г. началось его новое снижение, ускорившееся в 2015 г. В 2015 году бюджетные расходы регионов на душу населения составляли около 80% от уровня 2008 г. (время было потрачено не зря…). Трансферты регионам из федерального бюджета на душу населения в неизменных ценах в 2015 году составили 77% от уровня 2008 года.

Мерой дифференциации регионов по бюджетным расходам на душу населения может служить коэффициент вариации. Определенным недостатком данного показателя является влияние на него регионов выбросов с расходами значительно превышающими средний уровень. Эти проблемы в определенной мере преодолеваются при использовании для оценки дифференциации показателей межквартильного диапазона[12]. Недостатком последнего можно считать подверженность влиянию инфляции. В Таблице 6.1 представлены оба показателя за период 2008-2015 гг.

Таблица 6.2. Первый квартиль распределения регионов по расходам на душу населения в 2015 году.

Субъект	Бюджетные расходы на душу населения, руб./чел.
Республика Дагестан	31 535
Республика Северная Осетия-Алания	36 477
Ставропольский край	36 963
Саратовская область	37 232
Кабардино-Балкарская Республика	37 885
Пензенская область	38 064
Чувашская Республика-Чувашия	38 204
Ивановская область	38 722
Республика Адыгея (Адыгея)	40 321
Владимирская область	40 726
Алтайский край	41 229
Астраханская область	41 328
Волгоградская область	42 137
Ульяновская область	42 174
Омская область	42 556
Брянская область	42 988
Республика Марий Эл	43 463
Костромская область	43 689
Ростовская область	43 736
Республика Башкортостан	44 130

Источник: Казначейство России, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

[12] Диапазон между первым и третьим квартилями распределения. В нашем случае это разность между подушевой бюджетной обеспеченностью самого бедного региона из четвертого квартиля и самого богатого региона из первого квартиля.

Таблица 6.1. Коэффициенты вариации и межквартильные диапазоны по региональным показателям бюджетных расходов за 2008-2015 гг.

	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Коэффициент вариации	0.65	0.57	0.59	0.70	0.72	0.69	0.73	0.84
Межквартильный диапазон (руб/чел)	16 154	17 233	18 875	20 547	18 196	15 532	20 896	25 723

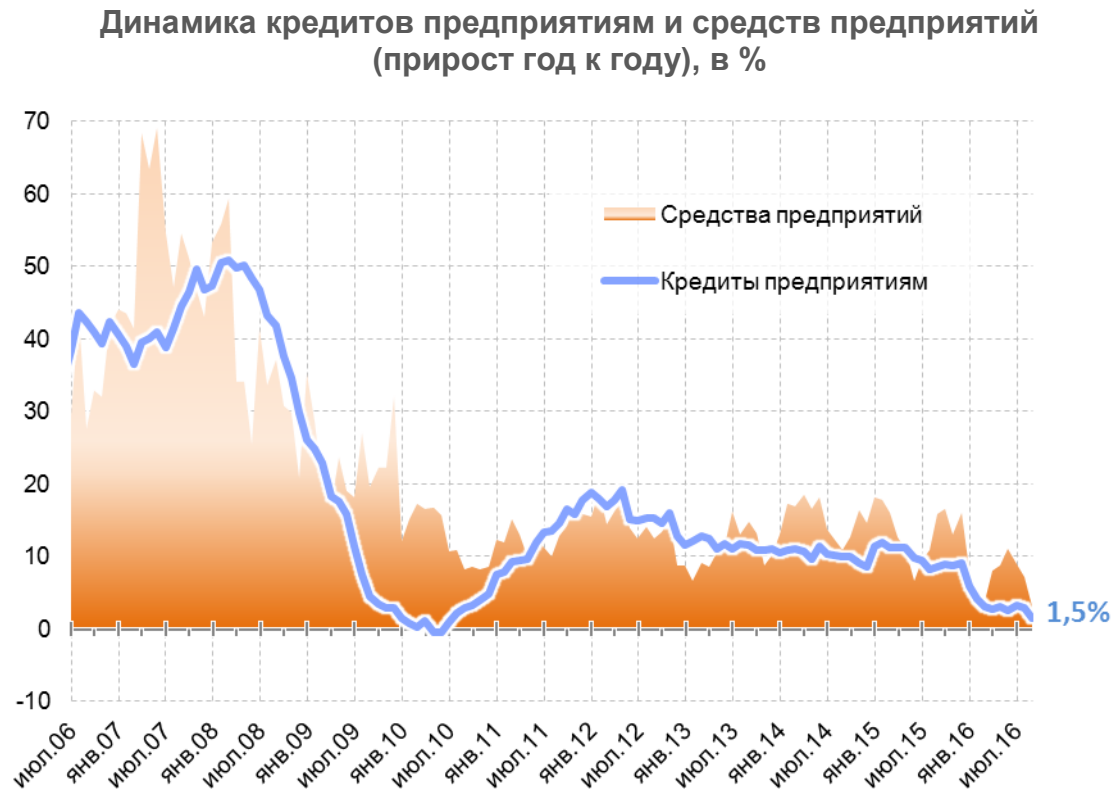
Источник: Казначейство России, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Как видно из Таблицы 6.1, в 2009 году коэффициент вариации региональных показателей расходов на душу населения сократился, по сравнению с 2008 годом. Это означает, что относительный разрыв в уровнях бюджетных расходов богатых и бедных регионов стал меньше. По нашему мнению, такой результат является следствием увеличения государственной поддержки регионов в 2009 году, сфокусированной на увеличении помощи наименее обеспеченным регионам. Из Таблицы 6.1 также следует, что и коэффициенты вариации и межквартильные интервалы по региональным показателям бюджетных расходов стали быстро увеличиваться в 2014 и 2015 годах. По нашему мнению, нынешний рост дифференциации регионов по бюджетным расходам на душу населения является следствием общего сокращения финансовых ресурсов регионов и резкого сокращения государственной поддержки в 2015 году. В Таблице 6.2 показаны регионы с самыми низкими подушевыми бюджетными расходами в 2015 г. На основе данных Таблиц 6.1 и 6.2 можно сделать вывод о том, что разрыв в подушевых расходах регионов из первого и четвертого квартилей сопоставим с самими показателями расходов регионов из первого квартиля.

В заключение отметим, что рост разрыва в расходах между богатыми и бедными регионами опасен для России из-за большой роли, которую они играют в предоставлении населению образовательных услуг, услуг по здравоохранению, социальной защите, а также в поддержке различных отраслей экономики.

Андрей Чернявский

Финансовая Статистика Банков



Источник: банковская отчётность, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

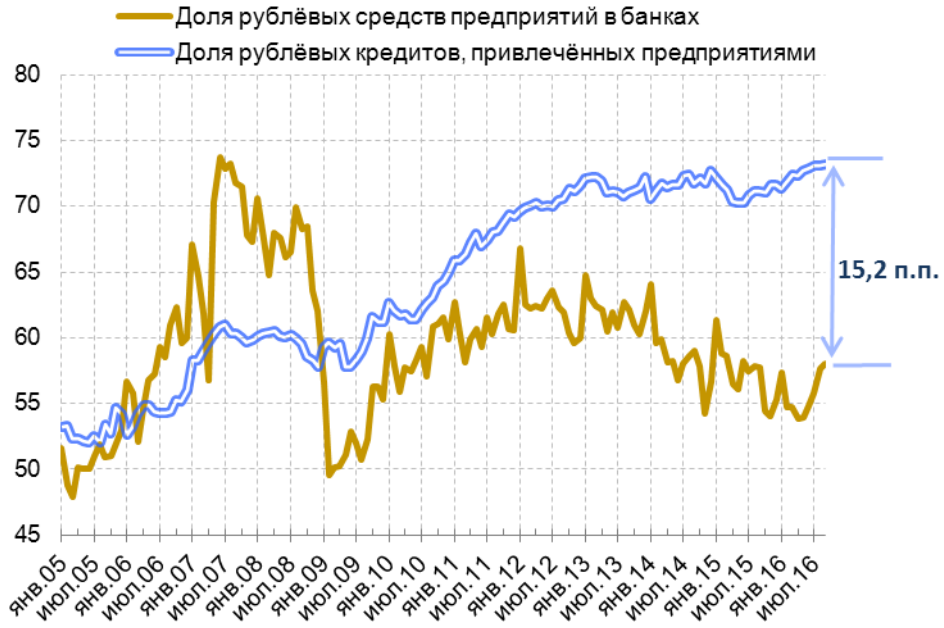
Кредитование предприятий замерло

Задолженность российских предприятий нефинансового сектора экономики перед отечественными банками в августе, как и в июле, практически не изменилась[13]. Но, в отличие от предыдущего месяца, совокупный кредитный портфель[14] частных банков вырос на 0,7%, а государственных сократился на 0,4%. В результате показатель прироста кредитов «год к году» в целом по системе снизился с 2,9 до 1,5%.

Если говорить о валютной структуре кредитования, то и здесь в последний месяц лета не произошло никаких изменений – прирост что рублёвого, что инвалютного портфеля оказался нулевым.

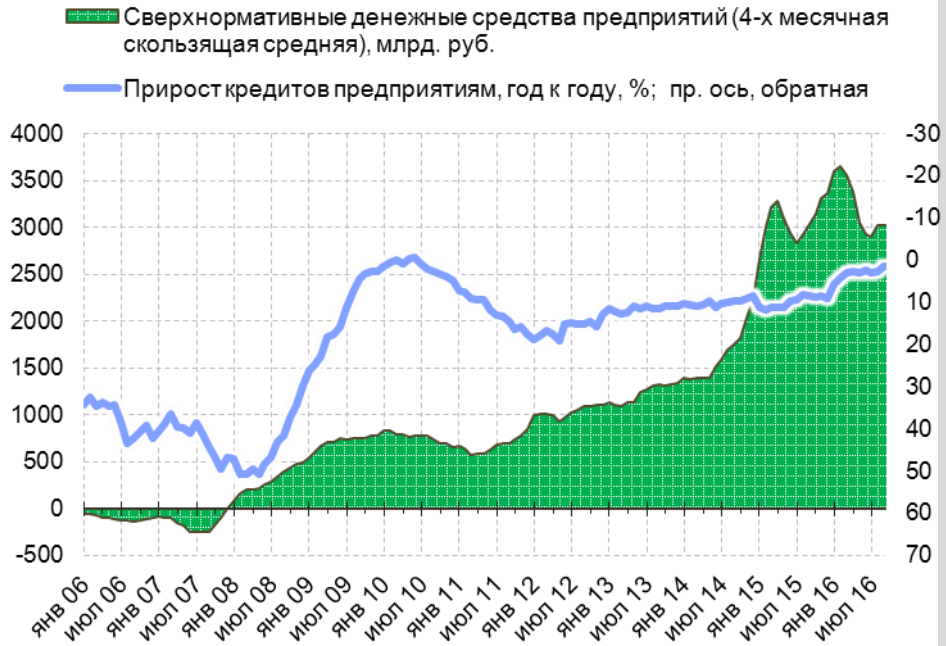
[13] Здесь и далее с учётом валютной переоценки.
[14] Включая вложения в долговые ценные бумаги.

Доли рублёвых кредитов и располагаемых средств предприятий, в %



Примечание. Данные приведены с исключённой валютной переоценкой.
Источник: банковская отчётность, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Динамика избыточных средств на депозитах предприятий, млрд. руб., и кредитов предприятиям (прирост год к году), в %

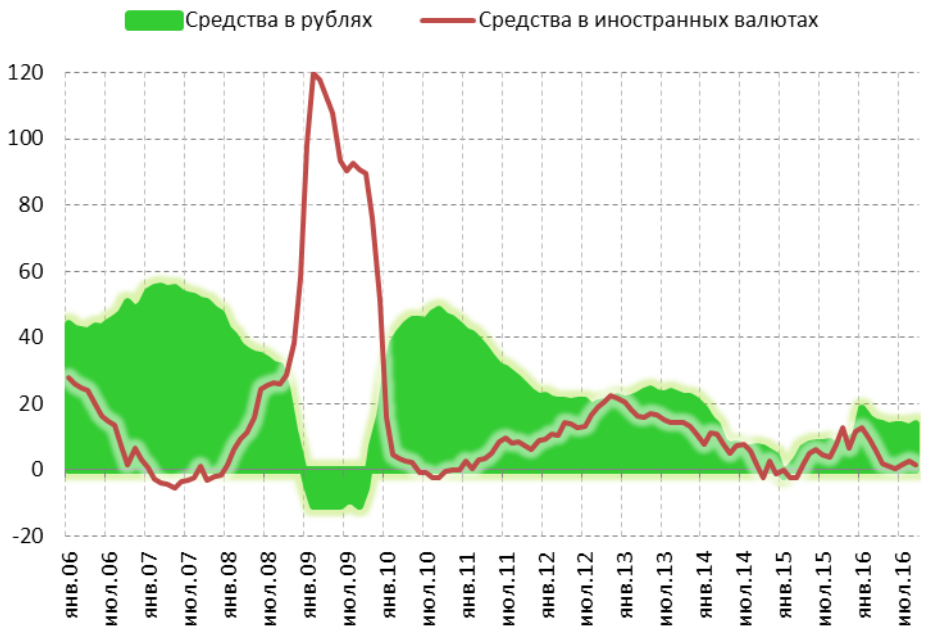


Источник: банковская отчётность, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Предприятия не ожидают девальвации в ближайшее время

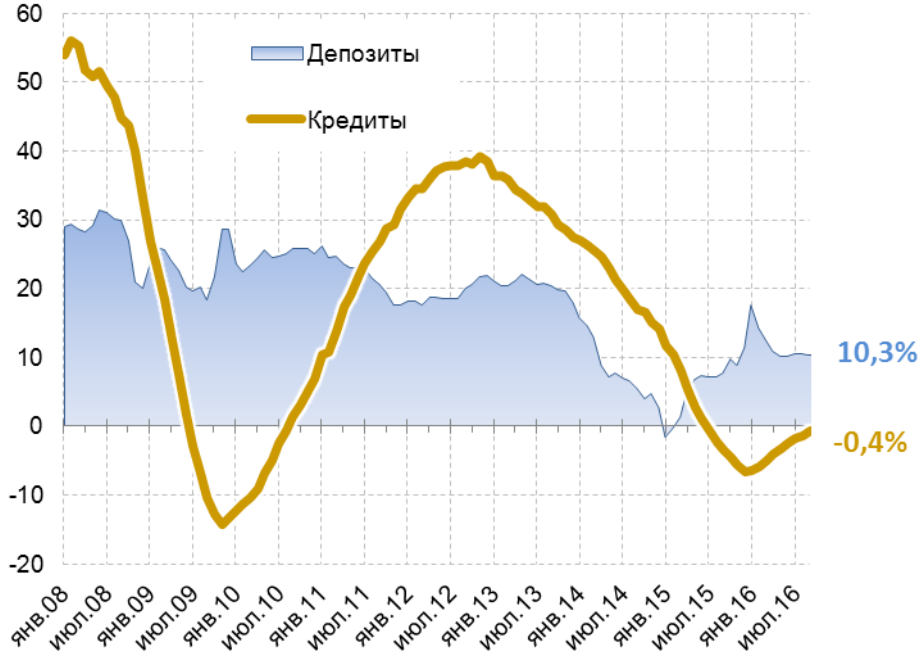
В августе остатки на счетах предприятий реального сектора экономики сократились на 0,6%. При этом объём средств на депозитных счетах компаний снизился на 2,1%, а на расчётных – вырос на 1,1%. Остатки на счетах в иностранных валютах сократились на 1,3%, а на рублёвых – на 0,1%. Таким образом, нефинансовые компании продолжали выход из валютных остатков, в результате, разница между долей рублёвых кредитов и рублёвых остатков на счетах предприятий сократилась с 15,6 до 15,2%. Структура средств компаний улучшилась: доля депозитов в общем объёме средств нефинансовых компаний сократилась с 52,6 до 51,6%.

Прирост средств населения в банках г/г, в %



Источник: банковская отчётность, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Динамика депозитов и кредитов физлиц год к году, в %

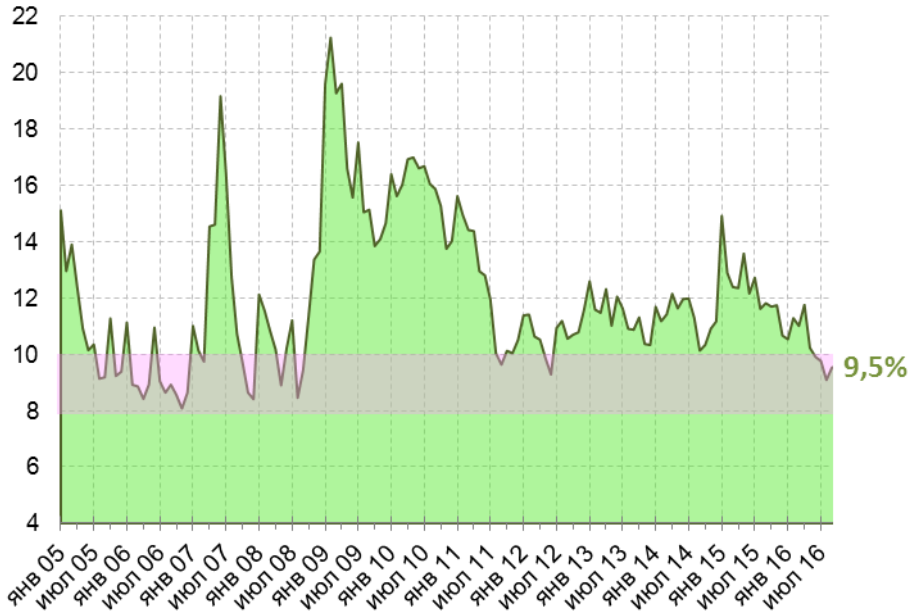


Источник: Банк России, банковская отчётность, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Розничное кредитование продолжает восстанавливаться

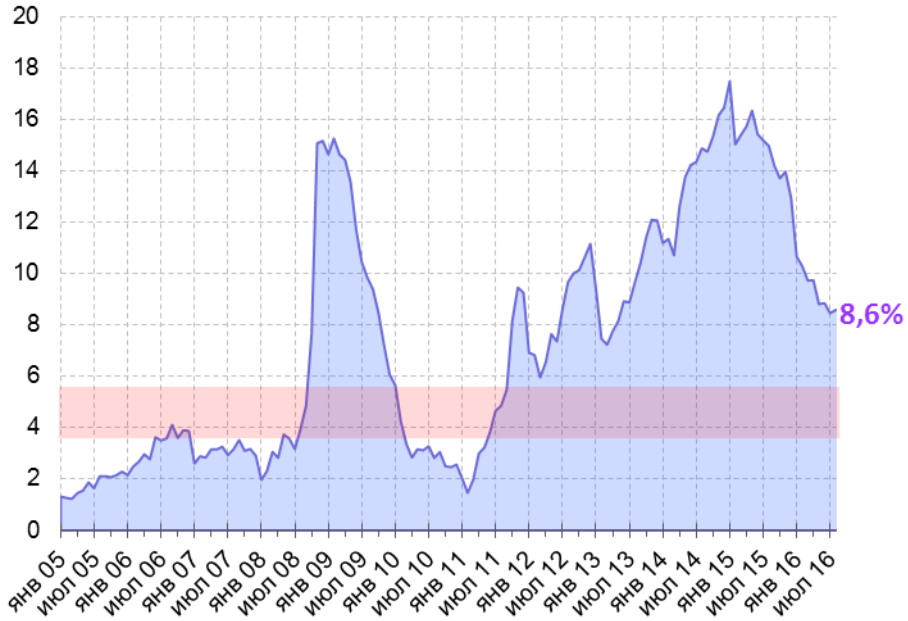
Общий объём депозитов физлиц в августе вырос на 0,3%, в результате прирост объёма средств населения «год к году» сократился до 10,3%. При этом, как и месяцем ранее, депозитные портфели госбанков и частных банков росли одинаковыми темпами. Что касается валютной структуры, то их рублёвая часть в августе выросла на 0,5% (13,8% г/г), а валютная снизилась на 0,2% (1,4% г/г). Объём кредитов населению вырос сразу на 0,8%. Прирост год к году в результате составил -0,4% по равнению с -1,2 месяцем ранее. Ссудный портфель госбанков вырос на 1,2% (+6,9% г/г), а частных – на символические 0,1% (-11,9% г/г).

Отношение суммы требований банковской системы к ЦБ (кроме ФОРа) и остатков на корсчетах в инобанках-корреспондентах к её обязательствам, в %



Источник: банковская отчётность, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Доля госсредств обязательствах банковской системы, в % (без учёта субординированного кредита Сбербанку)



Источник: банковская отчётность, расчёты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

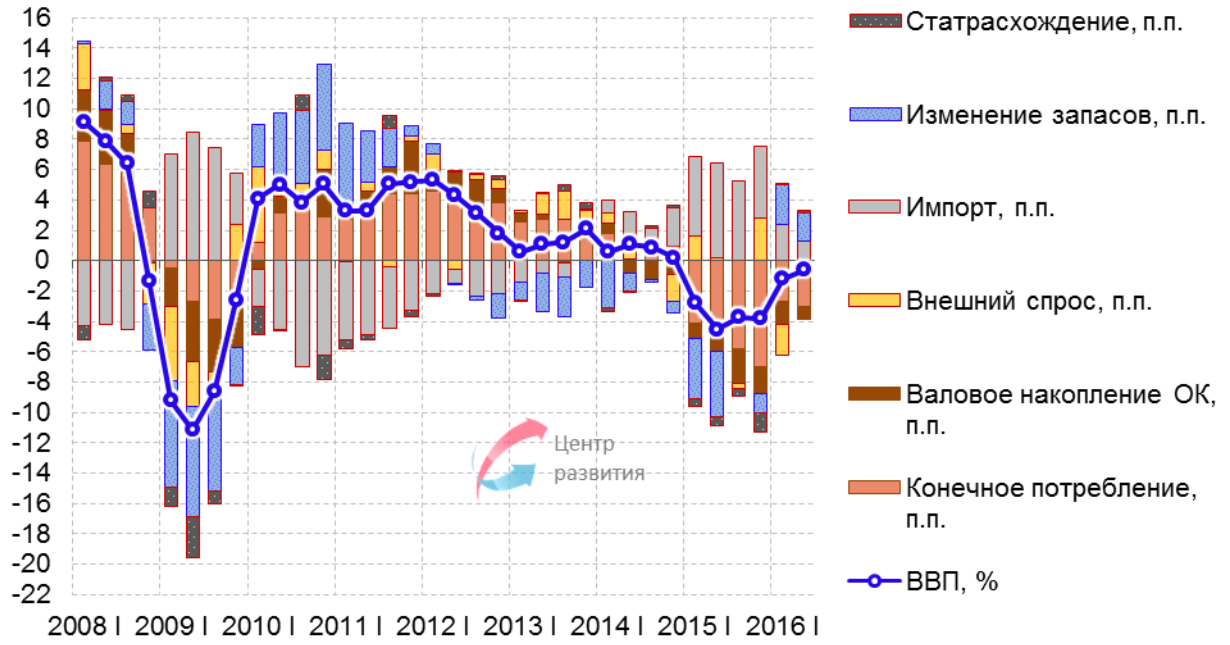
Уровень ликвидности вырос на бюджетных расходах

В июле уровень ликвидности, рассчитываемый как отношение суммы требований банковской системы к ЦБ (кроме ФОРа) и остатков на корсчетах в инобанках-корреспондентах к её обязательствам, вырос с 9,1 до 9,5%. Основной причиной этого стали операции бюджета, благодаря которым в банковскую систему поступило 0,7 трлн руб. дополнительной ликвидности. Доля госсредств в обязательствах банковской системы в августе не изменилась, составив 8,6%.

Экономика в «картинках»

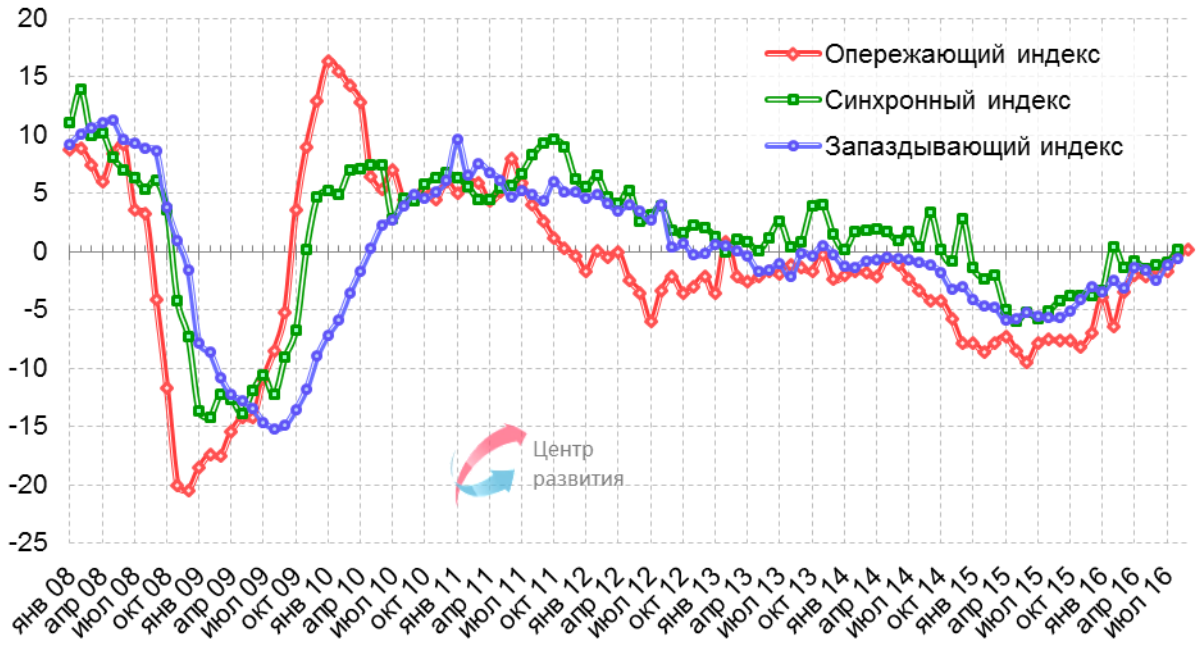
Динамика ВВП и вклад в неё составляющих по виду спроса (прирост к соответствующему кварталу предыдущего года)

NEW



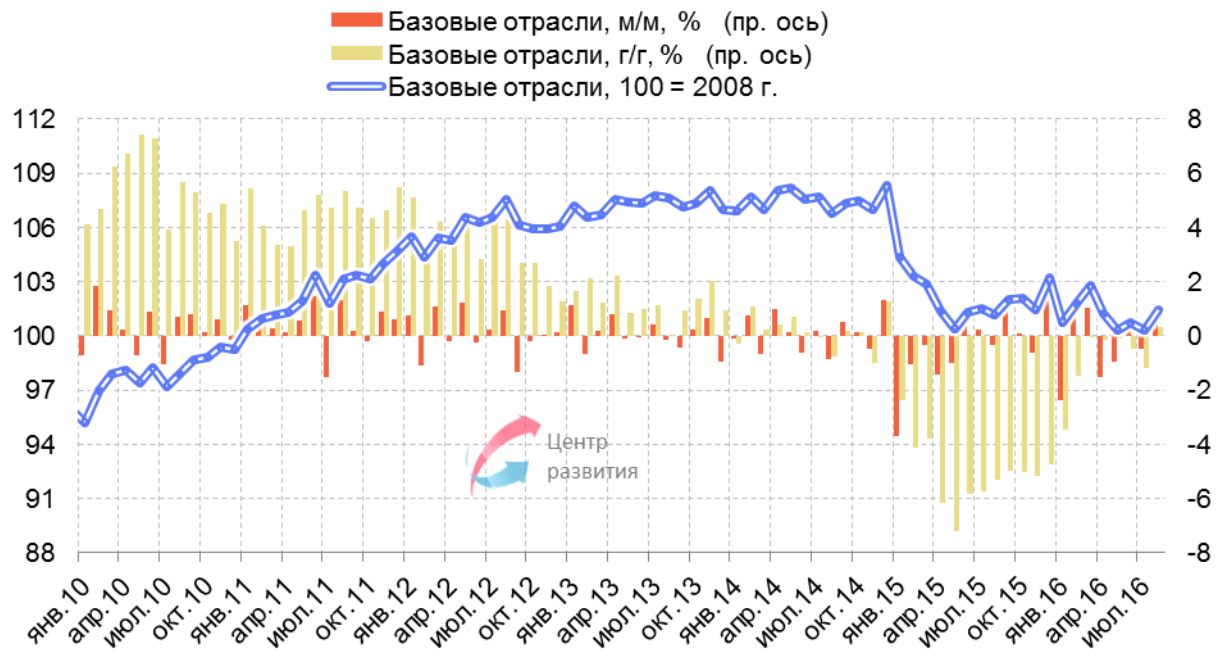
Циклические индексы (прирост к соответствующему месяцу предыдущего года), в %

NEW



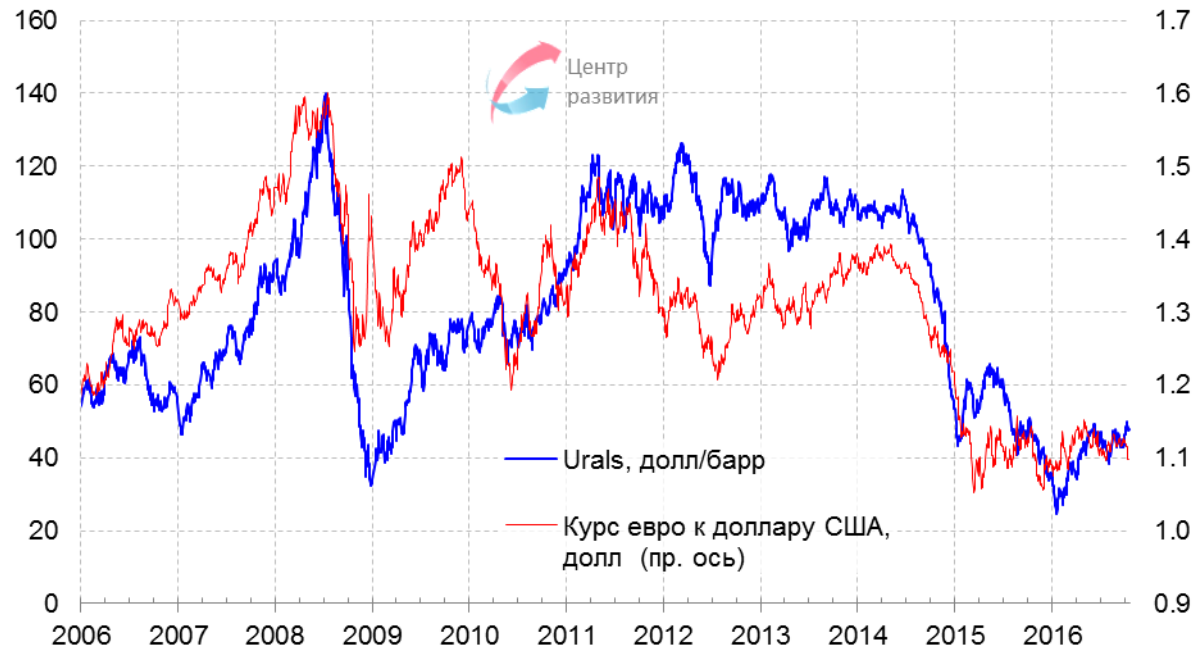
Динамика выпуска базовых отраслей, без сельского хозяйства (сезонность устранена)

NEW



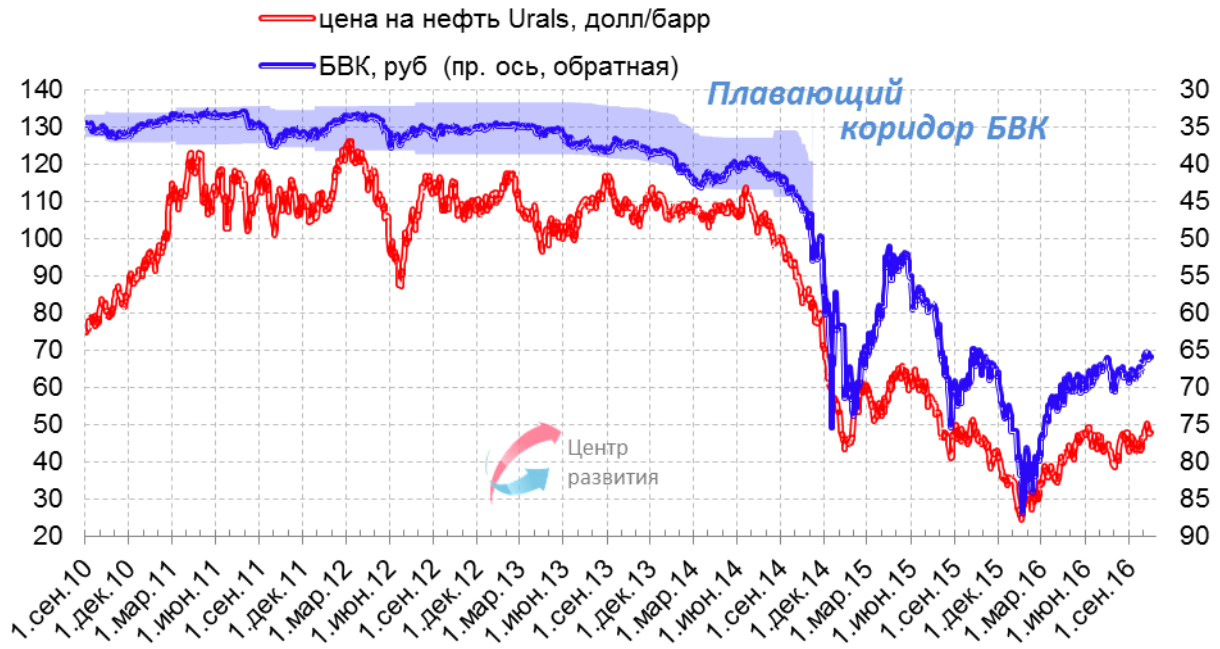
Динамика цен на нефть и курса евро к доллару

NEW



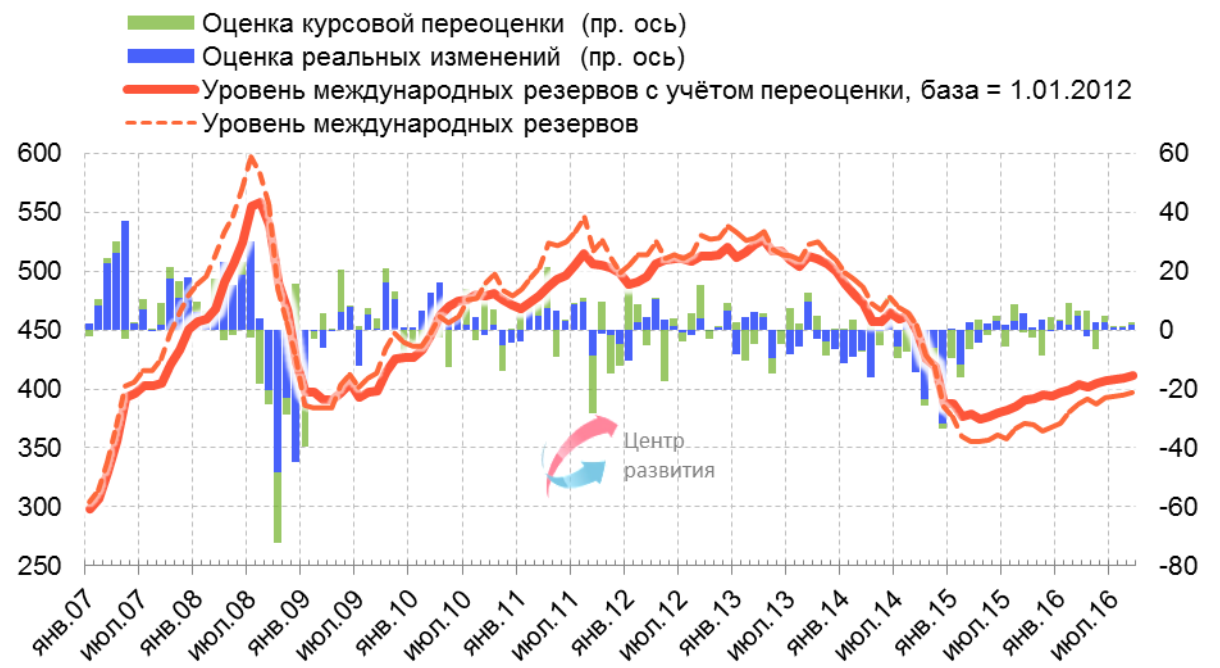
Динамика цен на нефть и курса рубля

NEW

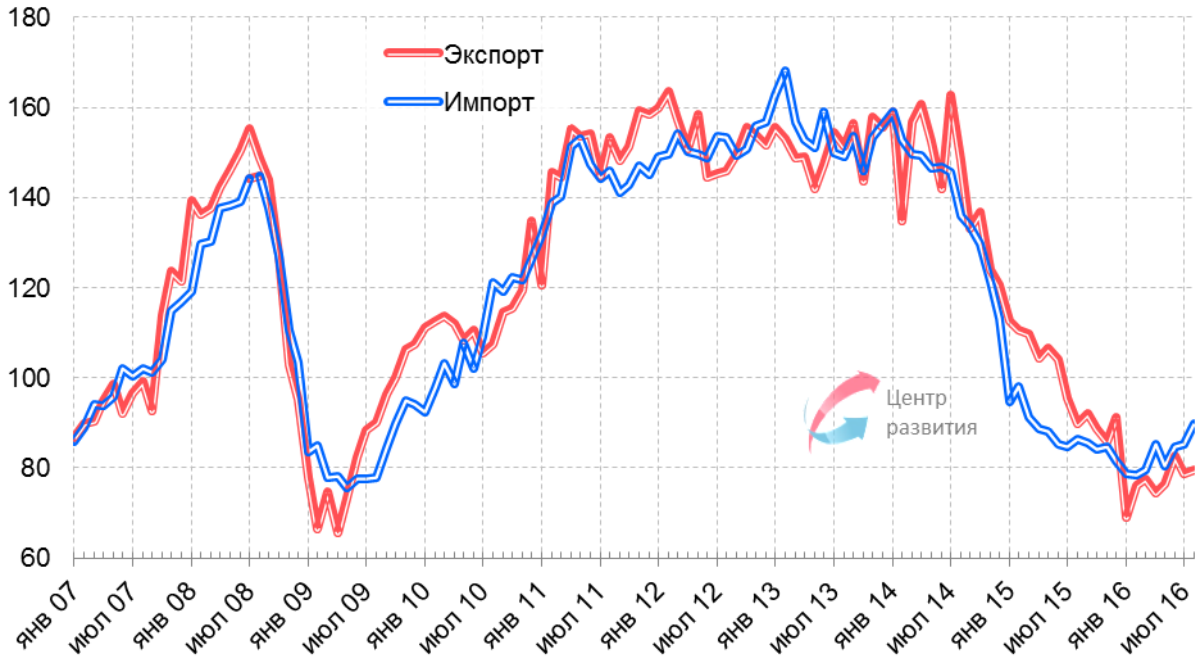


Динамика международных резервов (на конец месяца), млрд долл.

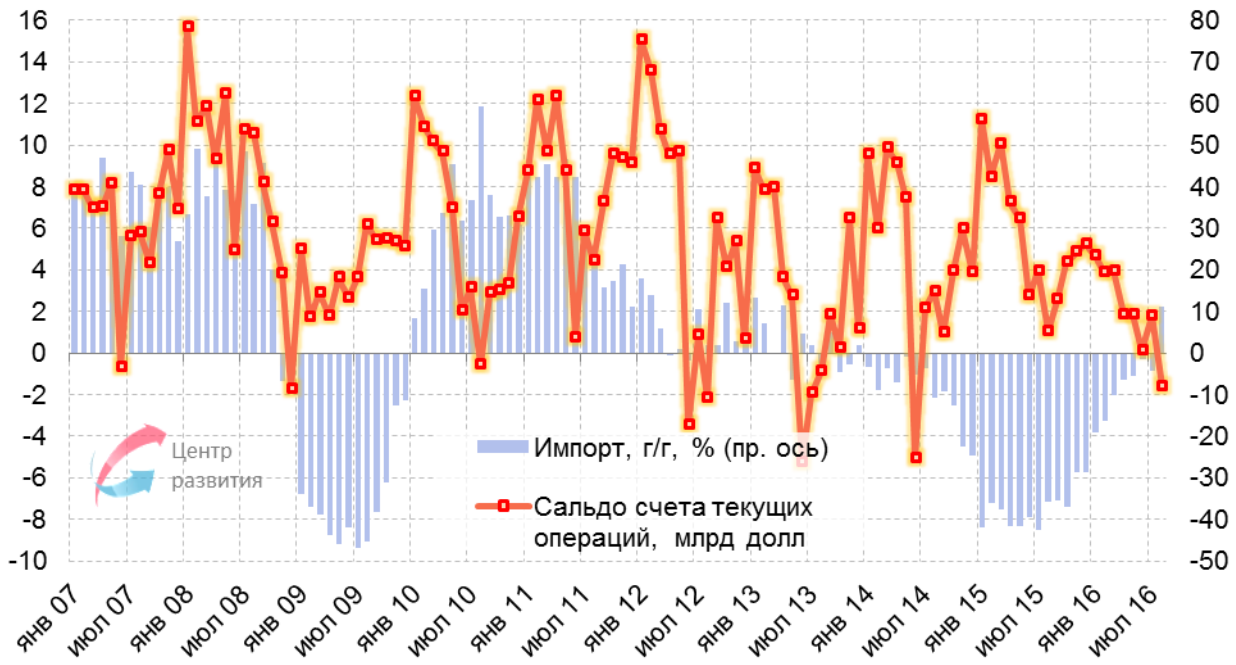
NEW



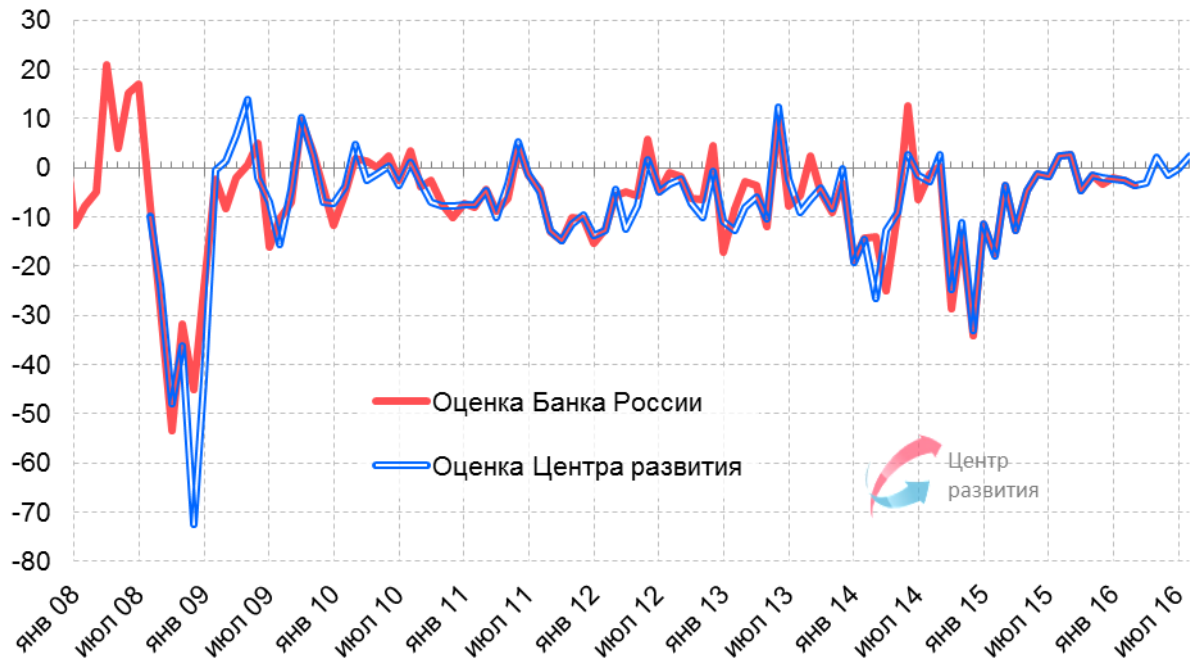
Внешняя торговля товарами (сезонность устранена, 100 = 2007 г.), в % [1]



Динамика сальдо счёта текущих операций и импорта товаров[1]

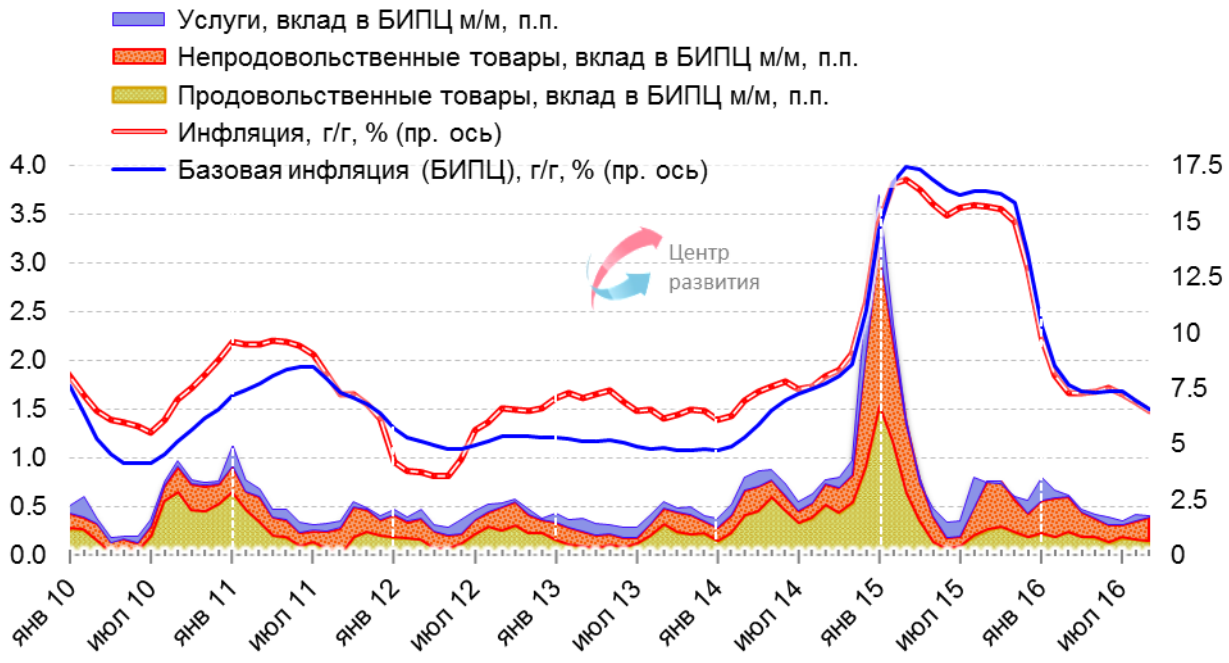


Чистый приток капитала, млрд долл.



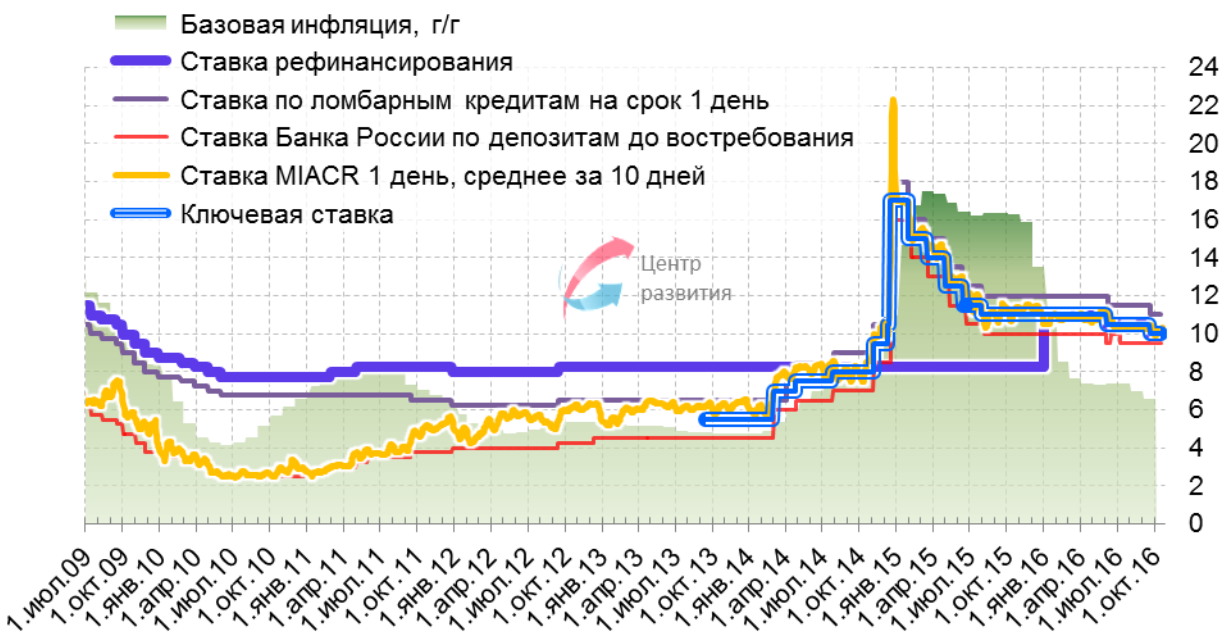
Динамика инфляции, базовой инфляции и вклад в базовую инфляцию за месяц различных компонент[2]

NEW

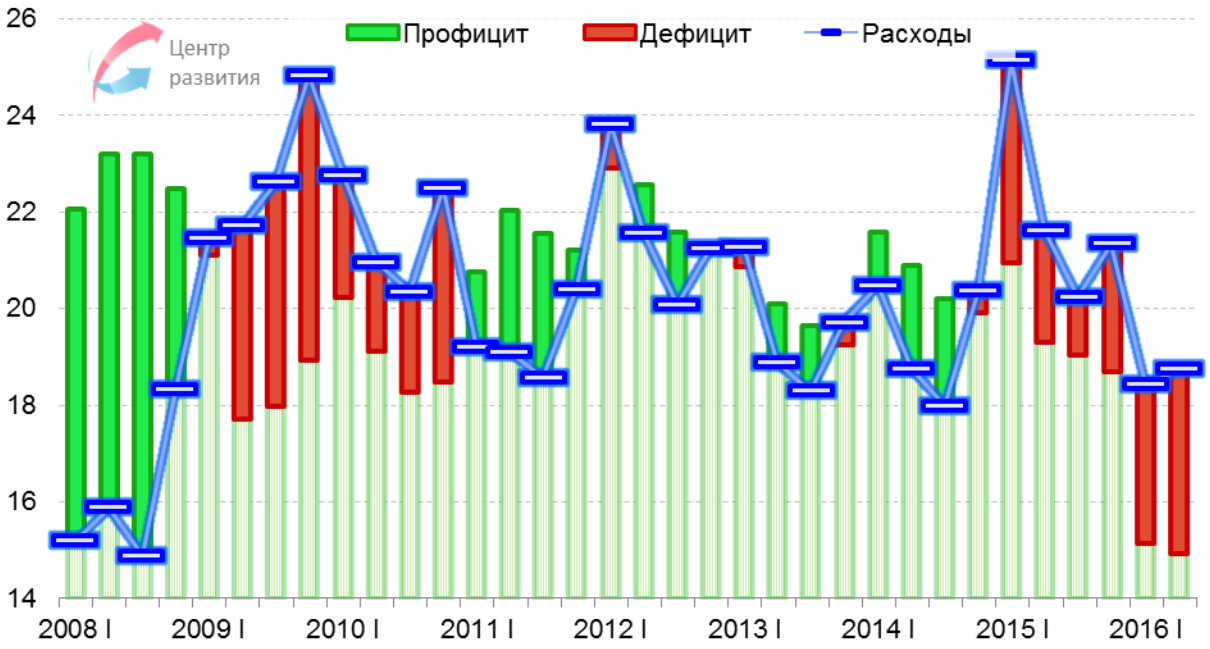


Динамика основных процентных ставок Банка России, ставок межбанковского рынка MIACR и базовой инфляции, в %

NEW

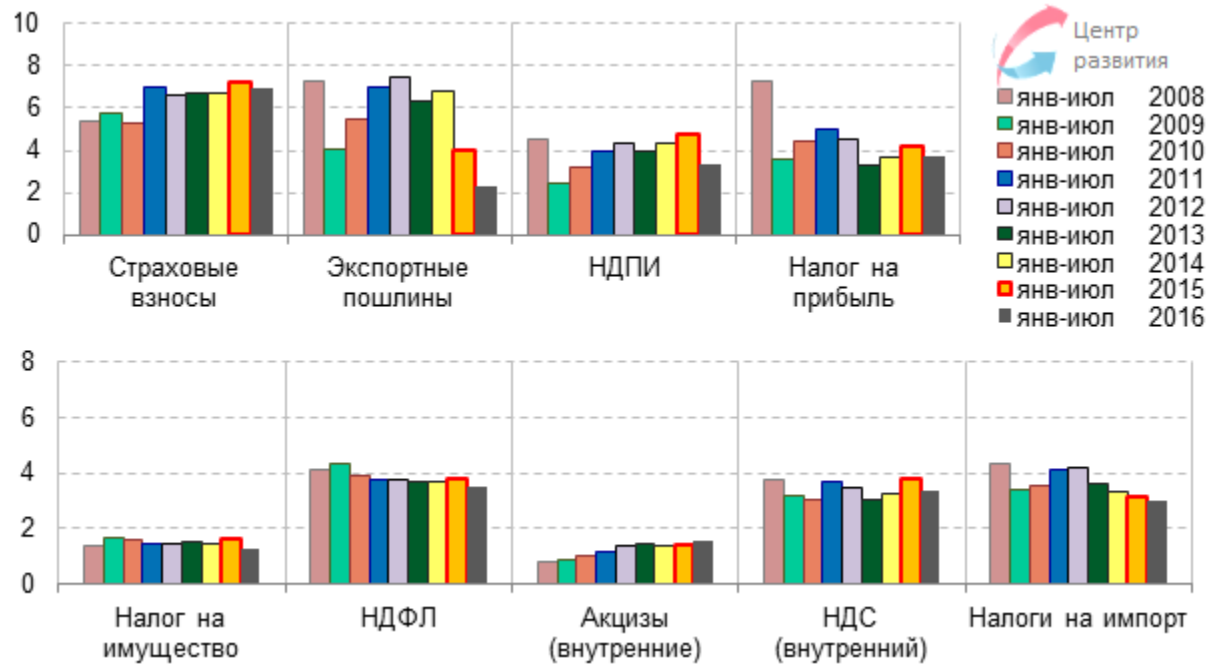


Исполнение федерального бюджета (накопленным итогом с начала каждого года), в % ВВП



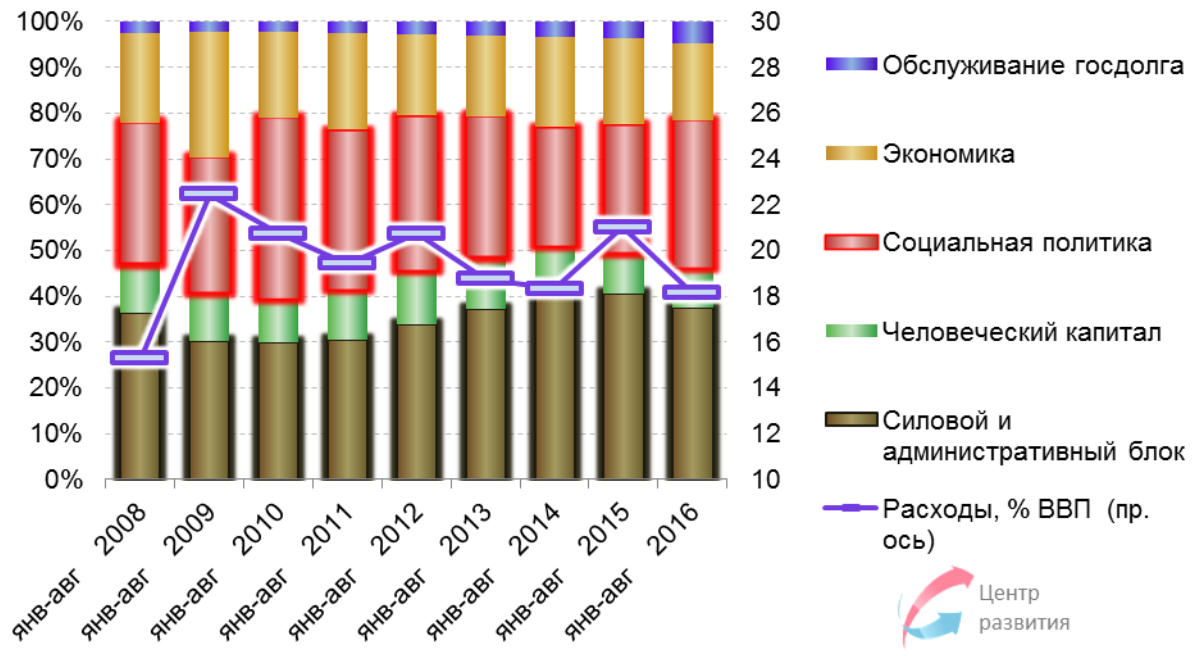
Доходы консолидированного бюджета, по видам налогов, в % ВВП[3]

NEW

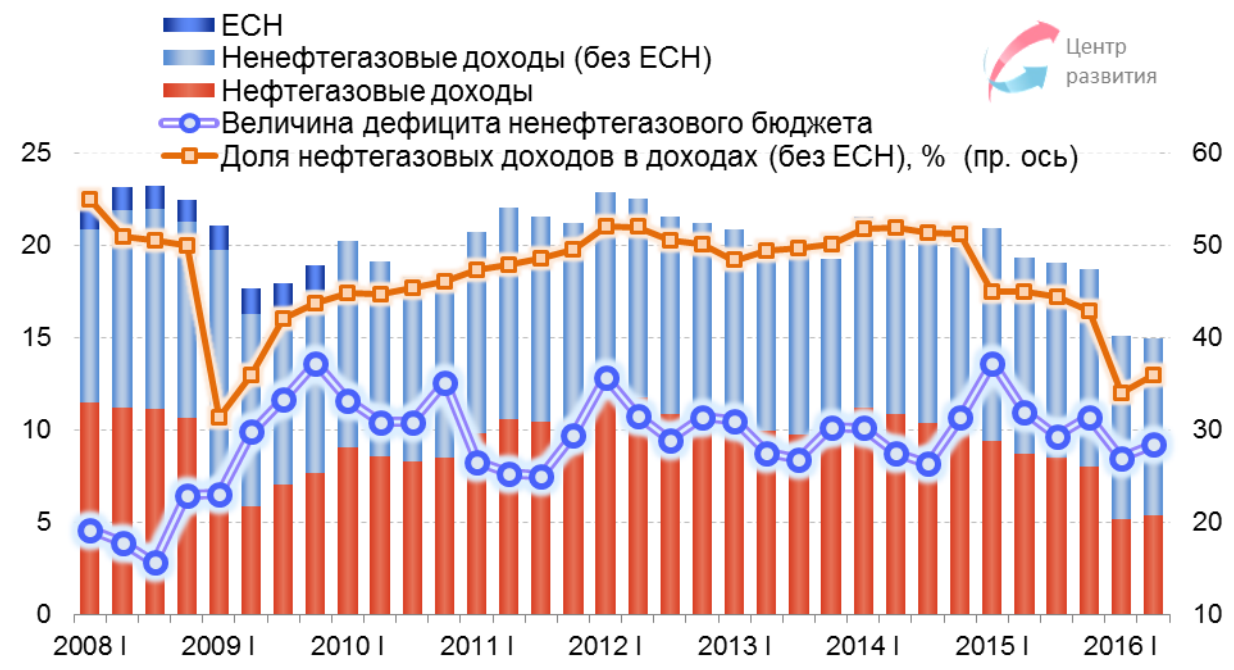


Структура расходов федерального бюджета, в %

NEW

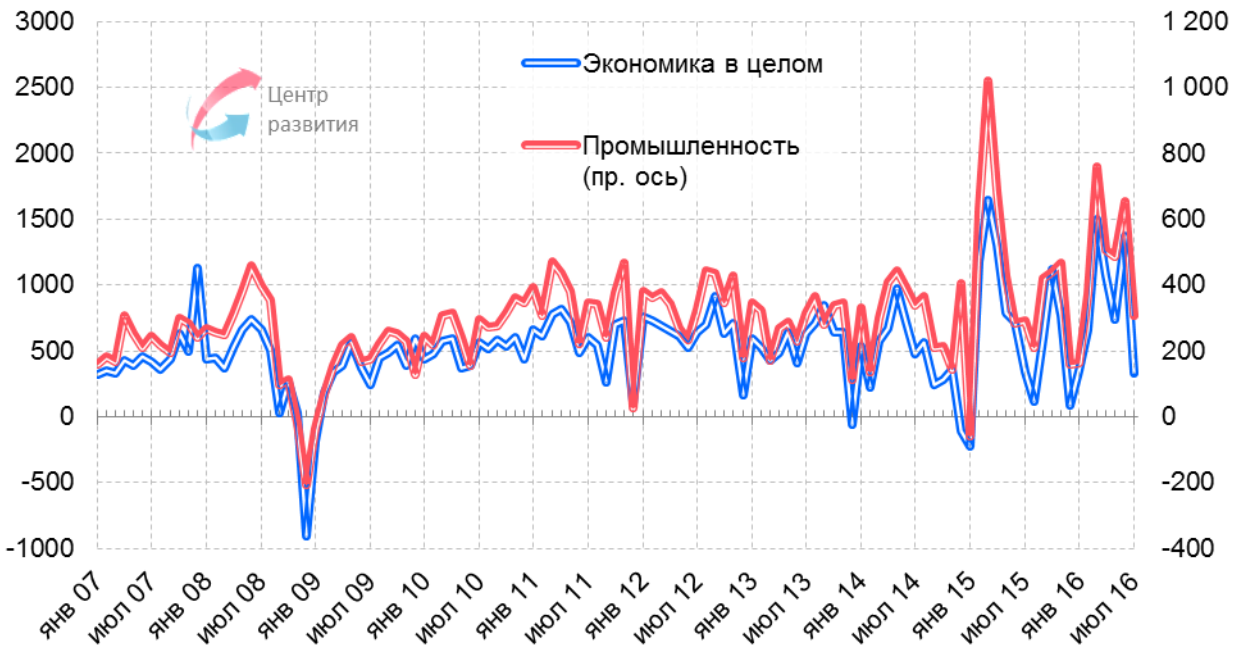


Доходы и ненефтегазовый дефицит федерального бюджета, в % ВВП[4]



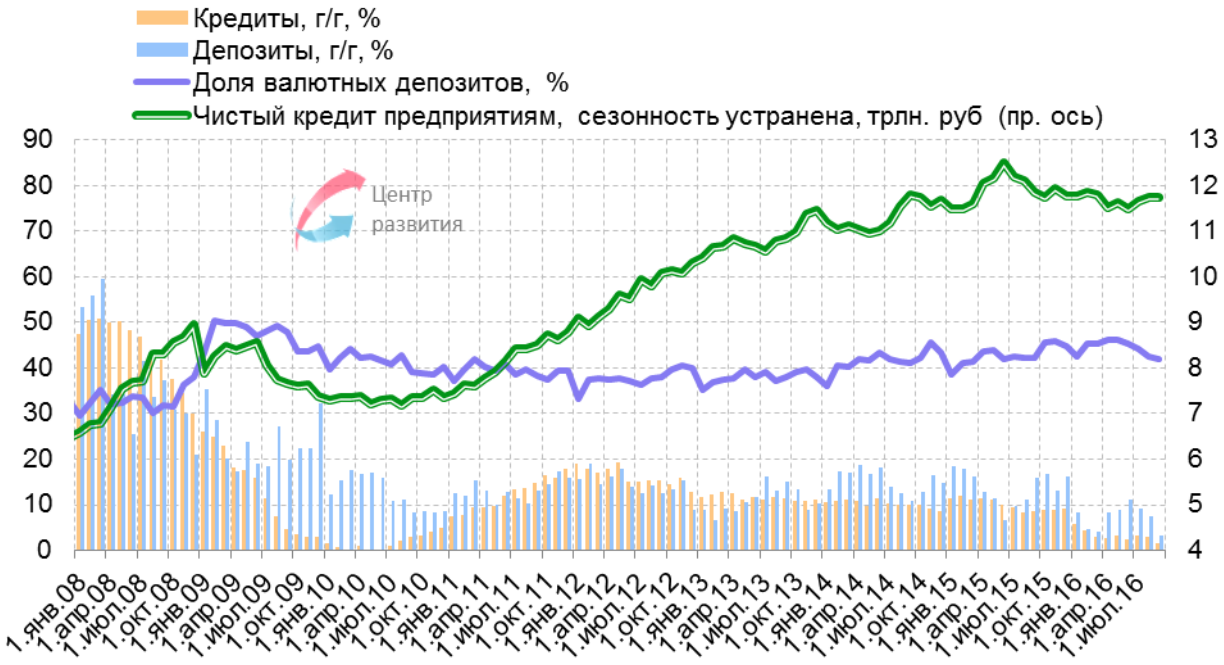
Динамика сальдированного финансового результата в экономике, млрд руб.

NEW



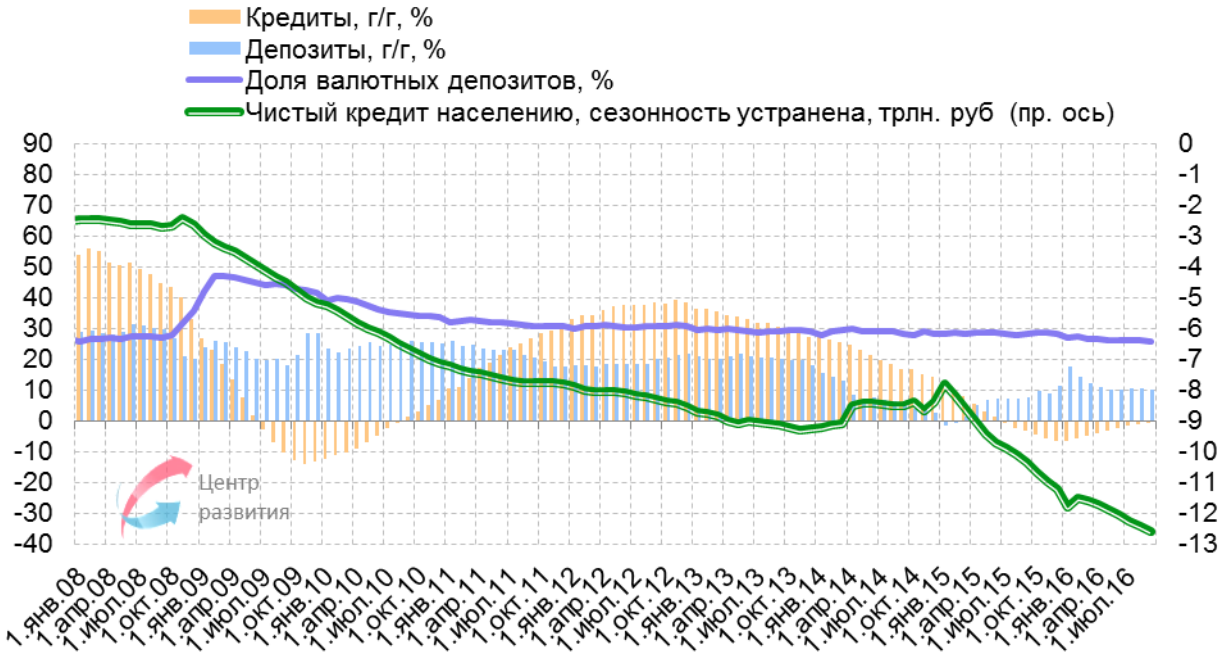
Динамика требований и обязательств предприятий реального сектора к/перед банковской системой (учтена валютная переоценка)

NEW



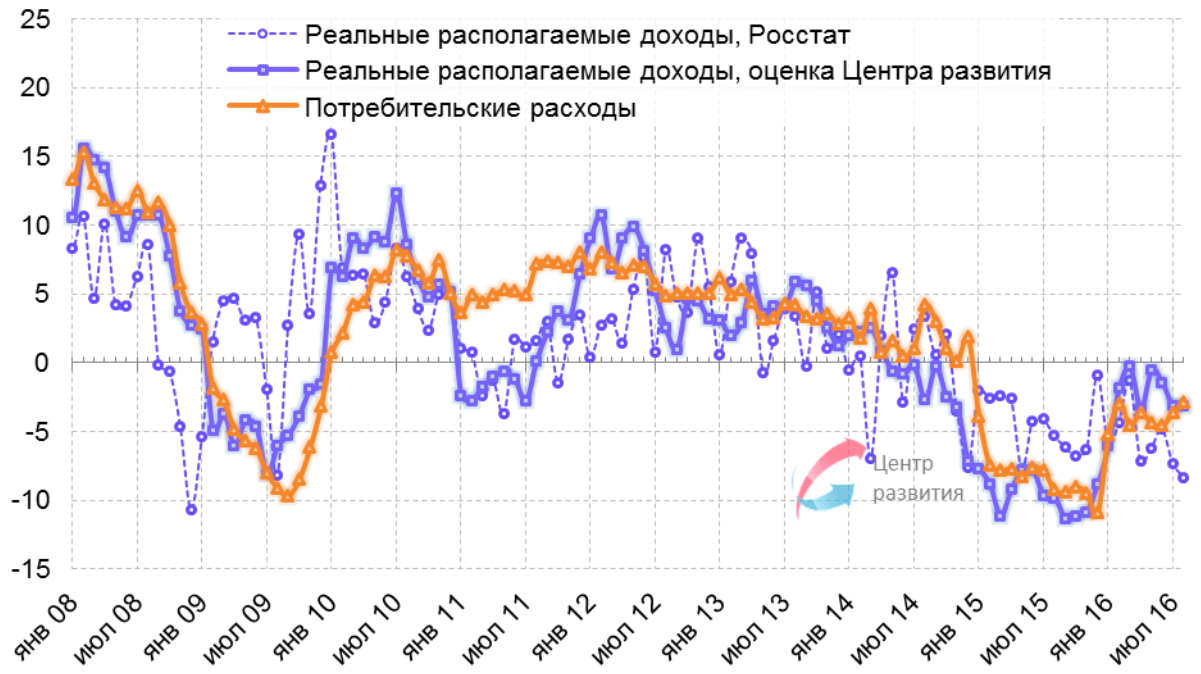
Динамика требований и обязательств населения к/перед банковской системой (учтена валютная переоценка)

NEW

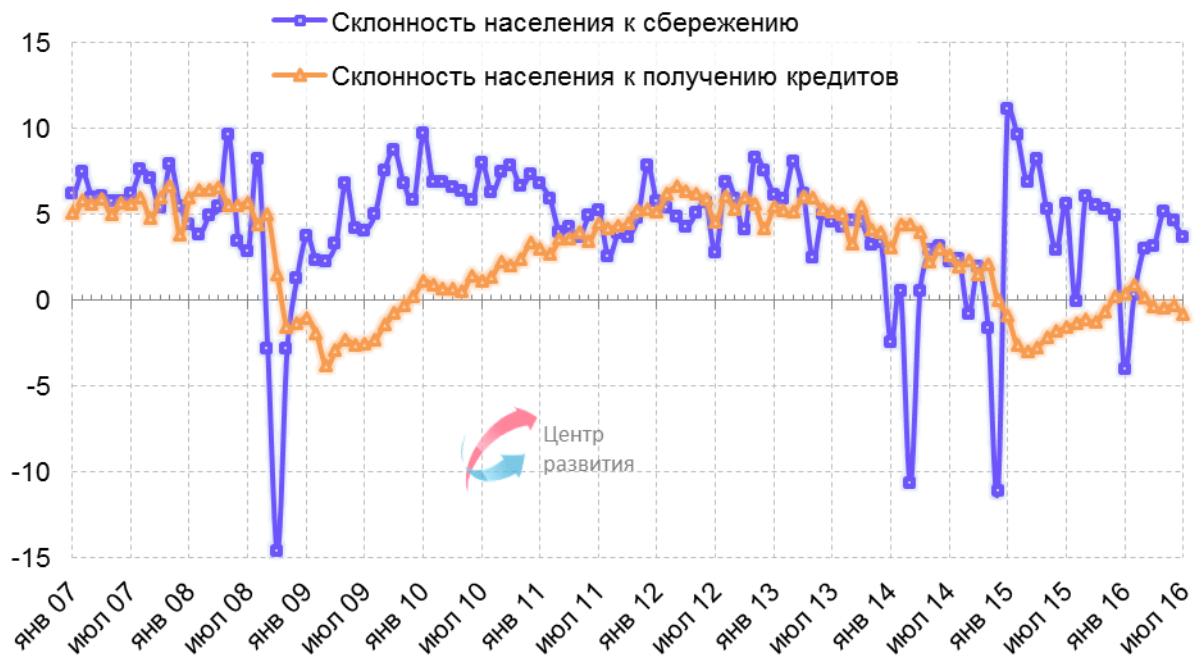


Динамика доходов и расходов населения в реальном выражении (прирост к соответствующему месяцу предыдущего года), в %

NEW

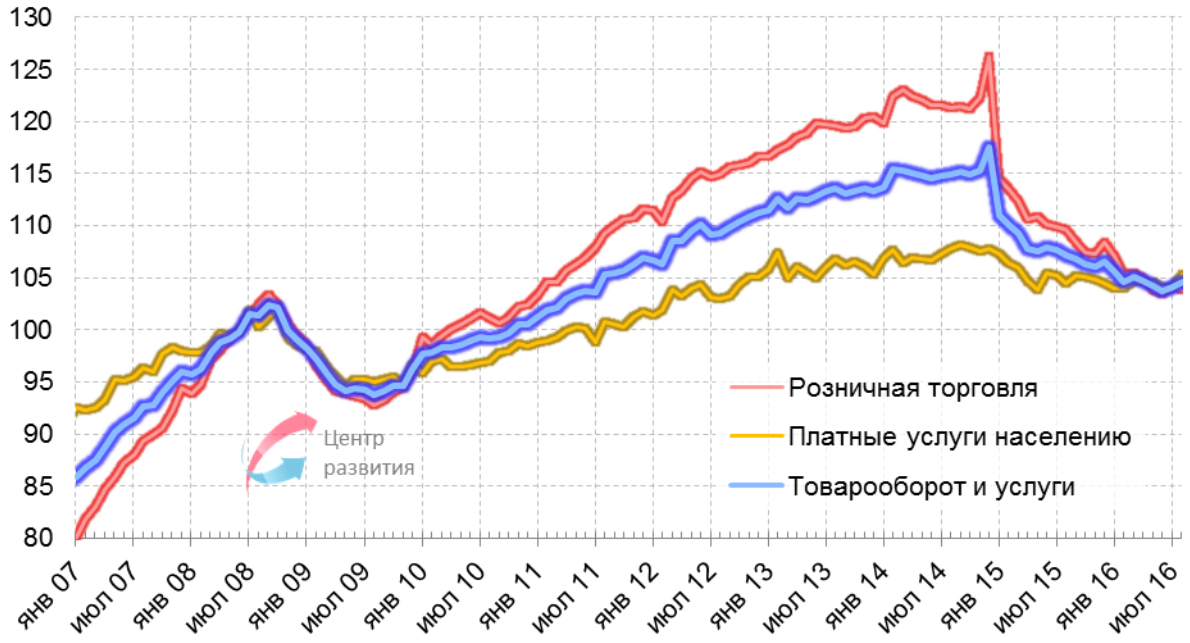


Склонность населения к сбережению и к получению кредитов (в % дохода, сезонность устранена) по методологии Центра развития

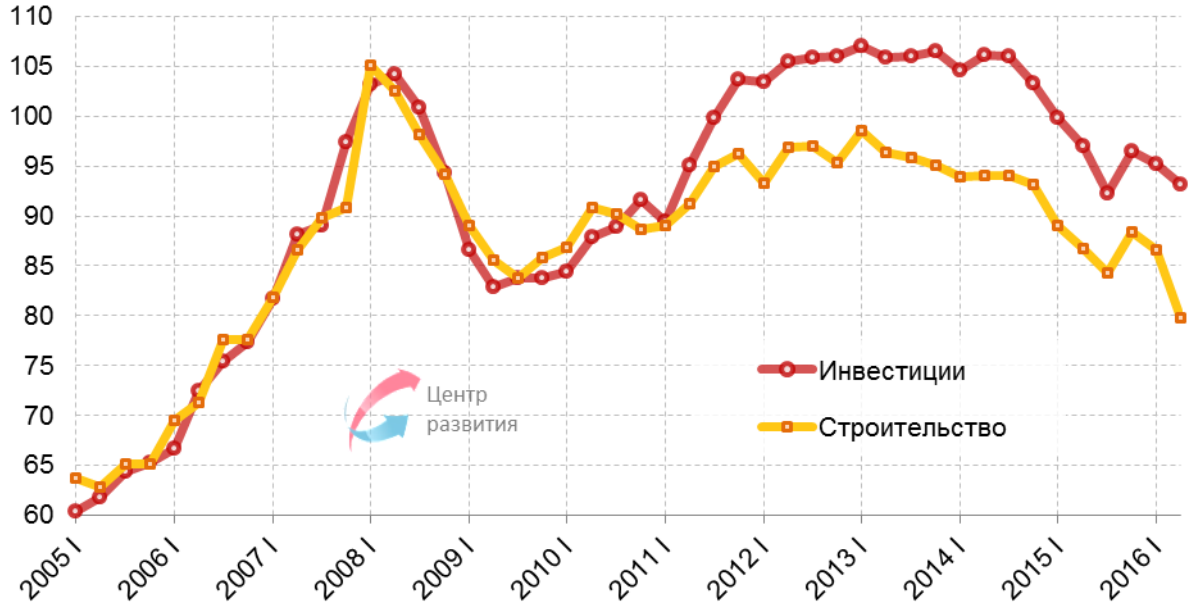


Динамика товарооборота и платных услуг населению (сезонность устранена, 100=2008 г.)

NEW

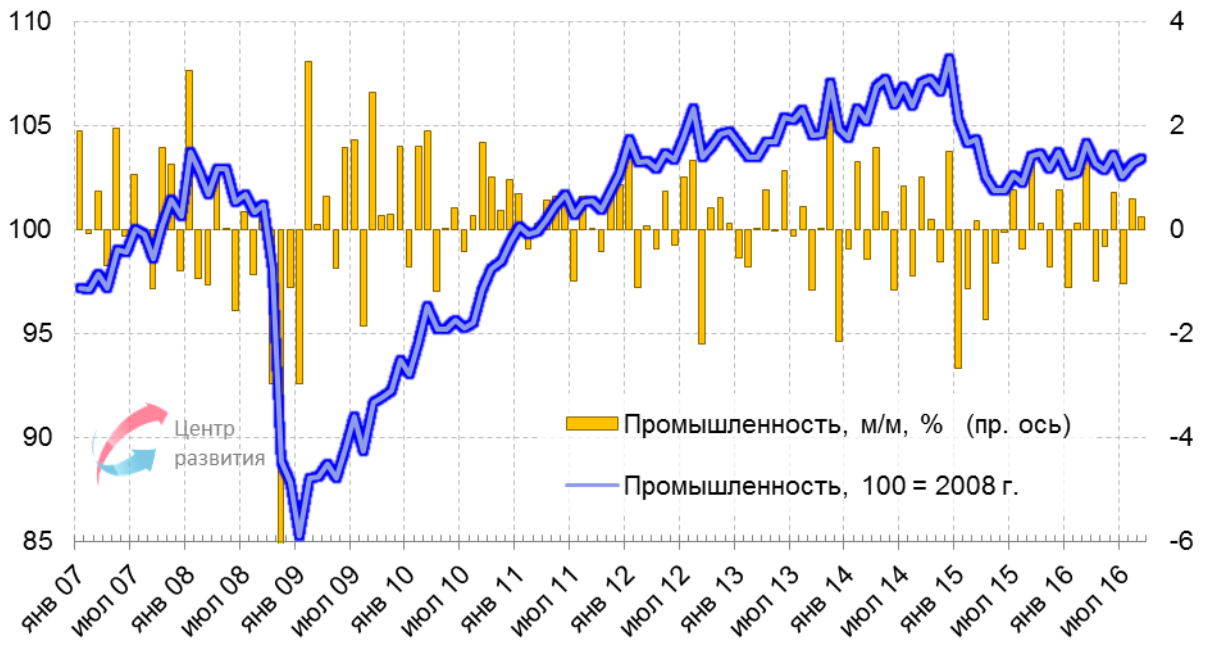


Динамика инвестиций в основной капитал и строительства (100 = 2008 г., сезонность устранена)



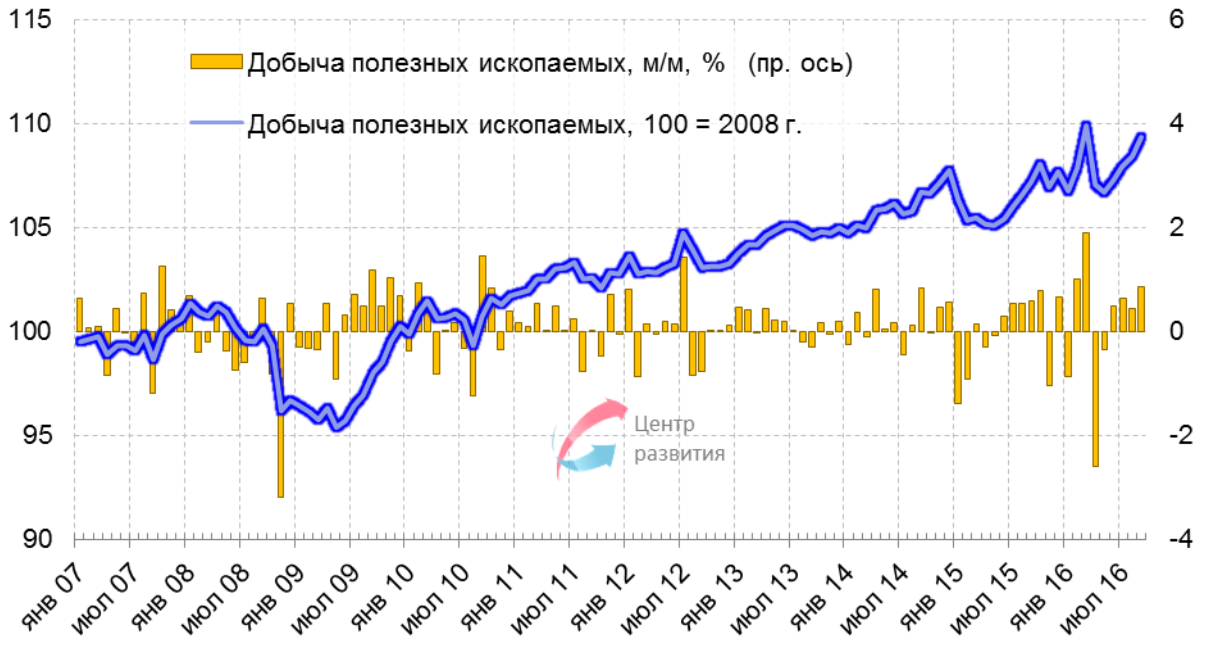
Динамика выпуска в промышленности (сезонность устранена)

NEW



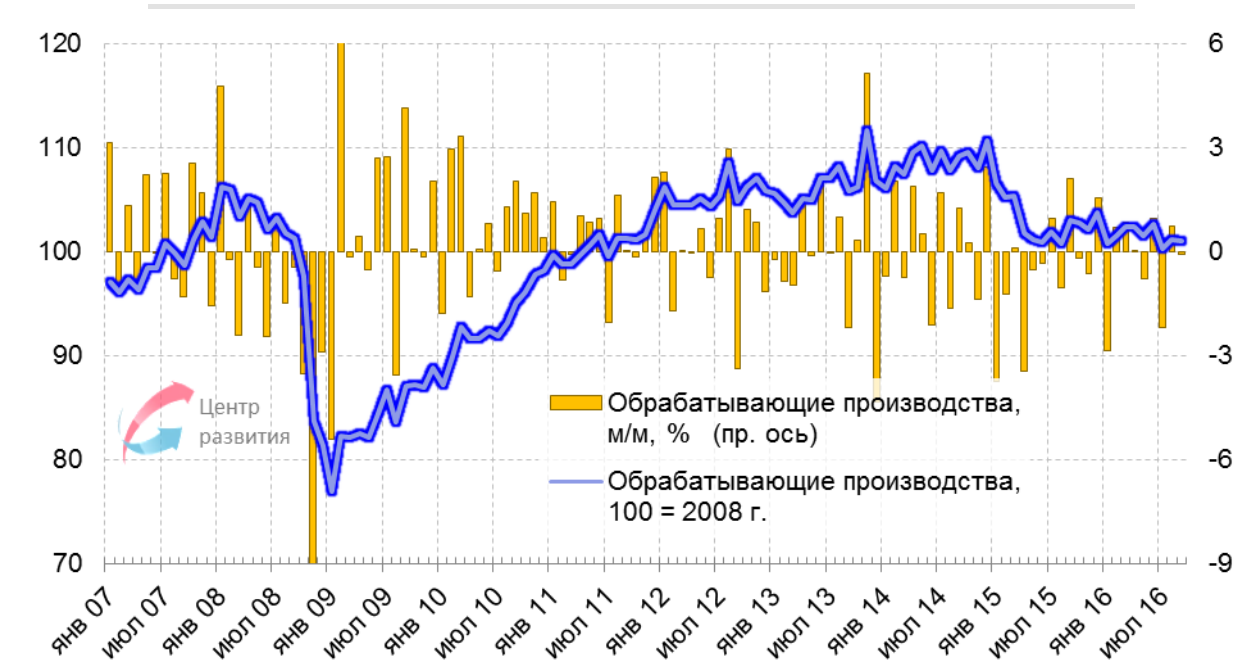
Динамика выпуска в добывающих отраслях (сезонность устранена)

NEW



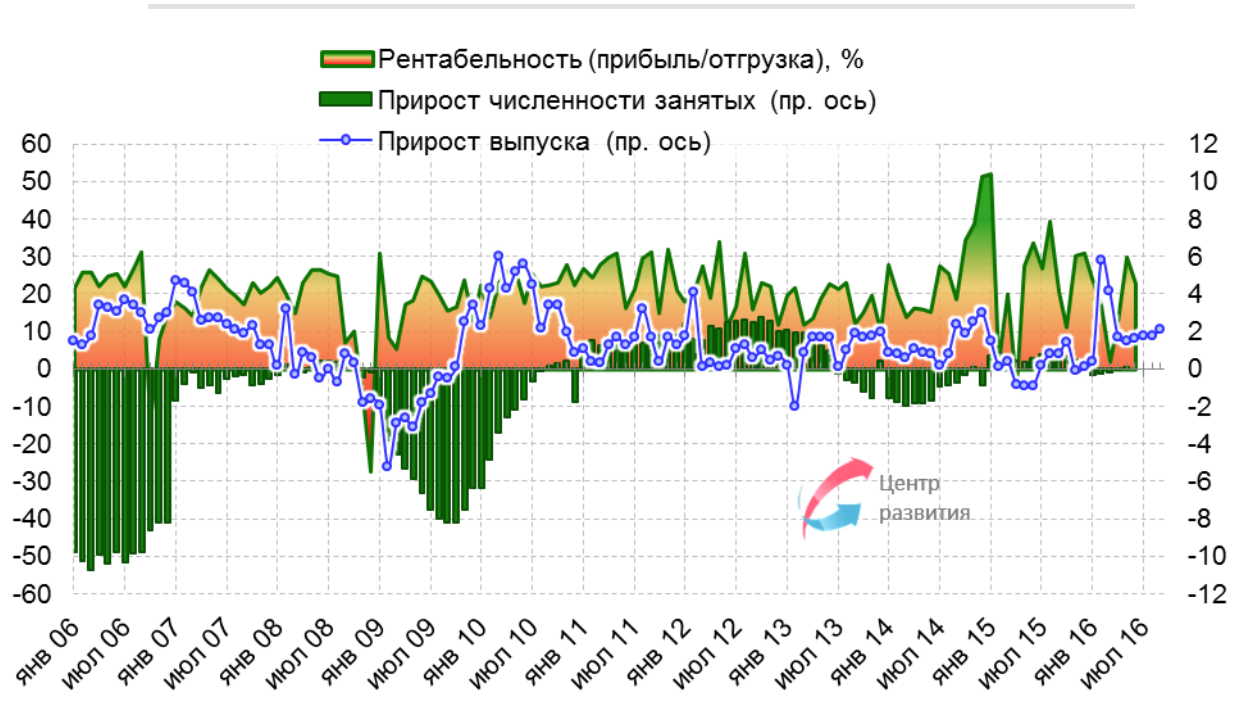
Динамика выпуска в обрабатывающих отраслях (сезонность устранена)

NEW



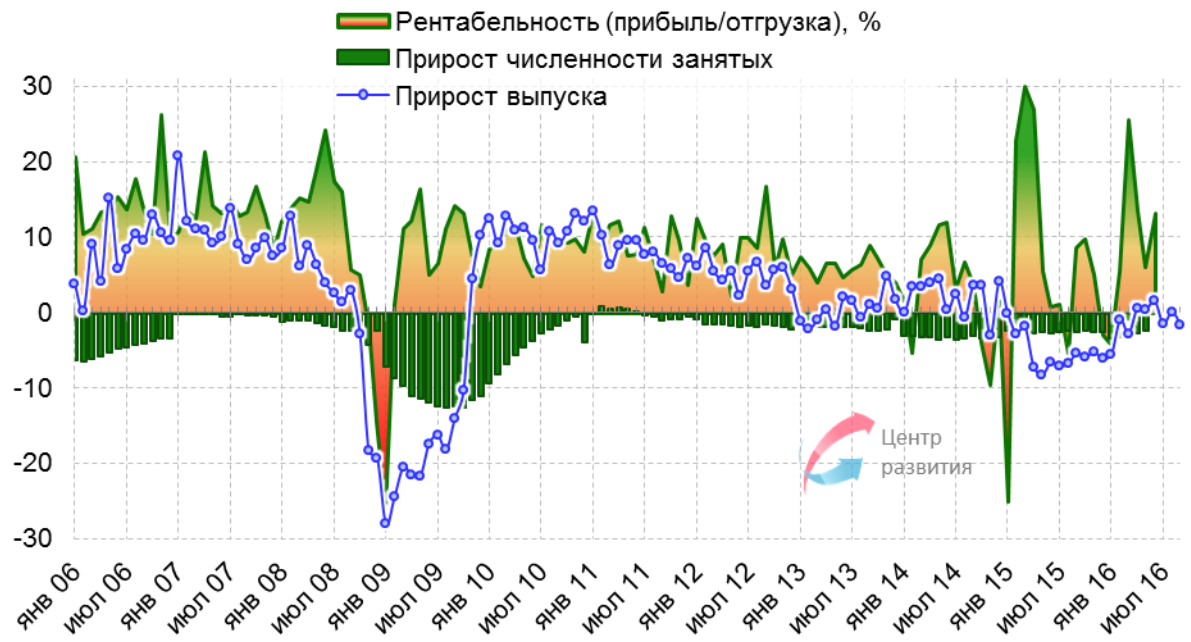
Показатели состояния добывающих отраслей (рост к соответствующему месяцу предыдущего года), в %

NEW



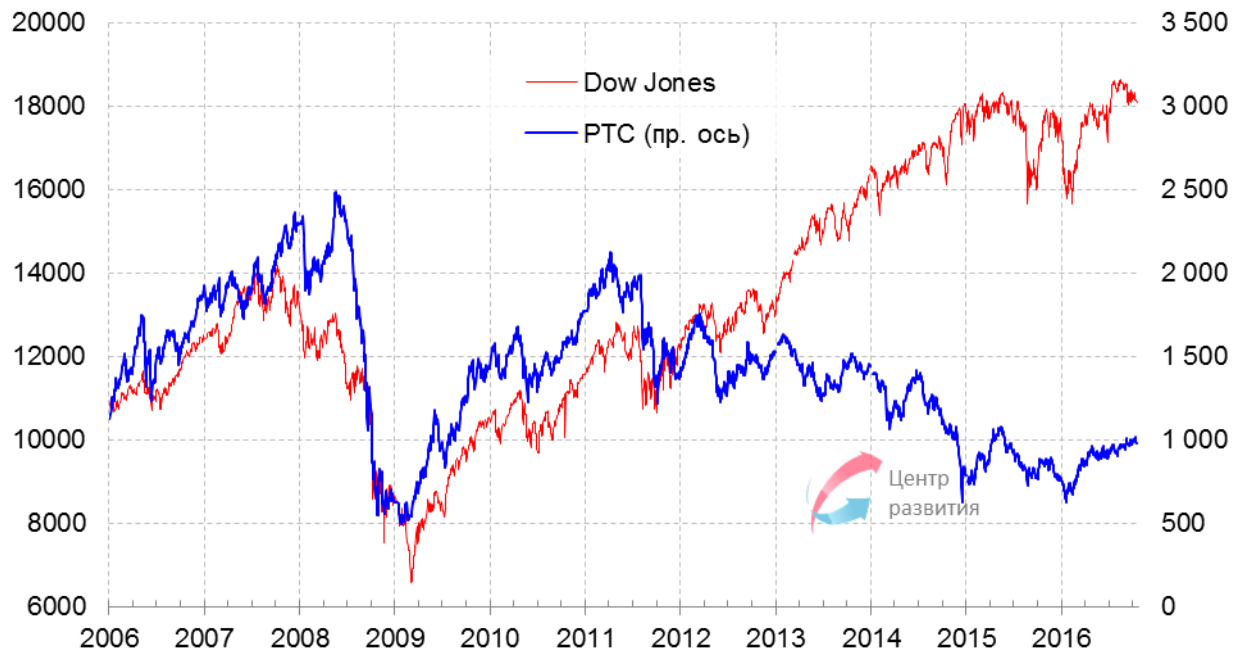
Показатели состояния обрабатывающих отраслей (рост к соответствующему месяцу предыдущего года), в %

NEW



Динамика фондовых индексов

NEW



Комментарии к «картинкам»

[1] Данные о торговле за август 2016 г. и о сальдо счёта текущих операций за период с апреля по август 2016 г. являются оценками Института «Центр развития» НИУ ВШЭ.

[2] В базовой инфляции (БИПЦ) по методологии Института «Центр развития» НИУ ВШЭ не учитывается изменение цен: из числа продовольственных товаров – на плодоовощную продукцию, яйца и алкогольные напитки, из числа непродовольственных товаров – на бензин, меховые изделия и табачную продукцию, из числа услуг – на транспортные, жилищные, коммунальные, образовательные, санаторно-оздоровительные и услуги дошкольного воспитания; все значения по правой оси (год к году) с относительно небольшой погрешностью соответствуют значениям на левой шкале (месяц к месяцу), приведённым в годовое представление.

[3] НДС внутренний – НДС, уплаченный с товаров, реализованных внутри страны, за исключением вычетов с ввозимых товаров; акцизы внутренние – акцизы, уплаченные с товаров, произведённых на территории России; налог на импорт – сумма внешних акцизов, внешнего НДС и ввозных пошлин.

[4] Единый социальный налог, начиная с 2010 года, не взимается.

Команда «Центра развития»

Дарья Авдеева
Наталья Акиндинова
Елена Балашова
Николай Кондрашов
Людмила Коновалова
Алексей Кузнецов
Валерий Миронов
Дмитрий Мирошниченко
Светлана Мисихина
Сергей Пухов
Сергей Смирнов
Владимир Суменков
Ксения Чекина
Алёна Чепель
Андрей Чернявский

Ждем Ваших вопросов и замечаний!

Центр развития: тел./факс +7 (495)625-94-74, e-mail: info@dcenter.ru, http://www.dcenter.ru.
НИУ «Высшая школа экономики»: тел. +7 (495) 621-79-83, e-mail: hse@hse.ru, http://www.hse.ru
Вся информация, представленная в Выпуске, базируется на данных официальных органов и расчетах Института «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики». При использовании, частичном или полном, материалов, изложенных в настоящем Выпуске, необходимо указывать ссылку на Институт «Центр развития» НИУ ВШЭ.

Исследование осуществлено в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016 году